С. Малахов

Против троцкизма и меньшевизма в литературоведении

С. Малахов

Против троцкизма и меньшевизма в литературоведении

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАД — 1932 — МОСКВА

Обложка работы И. В. Варз

ТРОЦКИСТСКАЯ КОНТРАБАНДА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

ПИСЬМО ТОВ. СТАЛИНА И ЗАДАЧИ ПАРТИИ НА ФРОНТЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Письмо тов. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», так же как выступление его в 1929 году на конференции аграрников-марксистов, являясь лучшими образцами ленинской партийности в вопросах истории, литературоведения и других идеологий, своевременно мобилизовали партию, усилив борьбу «за кровные интересы большевизма», против попыток сопротивляющихся своему уничтожению капиталистических элементов протащить буржуазную идеологию в форме меньшевистской, троцкистской и т. п. контрабанды. В период развернутого социалистического наступления пролетариата и обостренной классовой борьбы выступления тов. Сталина помогли и помогают партии своевременно организовать отпор враждебной пролетариату идеологии и гнилому либерализму по отношению к ней. Так на основе выступления тов. Сталина на конференции аграрников-марксистов, на основе ленинского принципа, увязывания теории пролетариата с его социалистической практикой партия провела разоблачение и разгром различных меньшевистских и право-оппортунистических теорий в различных областях идеологии, окончательное разоблачение механистов как носителей правого уклона в теории, разгром меньшевистских теорий Рубина, Переверзева и др., разгром меньшевиствующего идеализма в философии и т. д. Под руководством тов. Сталина, на основе ленинской партийности теории, на основе большевистских установок борьбы на два фронта партия проводила и проводит разоблачение прямого классового врага и конкретных носителей его влияний (правых и «левых» оппортунистов).

Последнее письмо тов. Сталина своевременно разоблачило новый маневр классового врага, попытку его протащить

свою идеологию в области истории, особенно истории партии, использовываемых троцкистами, этими представителями «передового отряда контрреволюционной буржуазии» для протаскивания контрабанды и буржуазных взглядов, контрреволюционной клеветы на тов. Ленина, большевистскую партию и социалистическое отечество мирового пролетариата. Письмо тов. Сталина помогло разоблачить целый ряд случаев протаскивания подобной же и всякой другой буржуазной контрабанды и в других областях идеологии, еще раз мобилизовало партию на усиление борьбы с «гнилым либерализмом», способствующим успешному проникновению в нашу идеологию этой контрабанды. Партия своевременно отметила также и осудила, как «левый» оппортунизм, отдельные, имевшие место при обсуждении письма тов. Сталина, попытки подменить идейную борьбу с конкретными носителями буржуазных влияний в наших рядах административными мероприятиями, вроде исключения из партии товарищей, имеющих отдельные, вдобавок признанные и исправленные ими ошибки. Исправляя отдельные случаи перехлестываний, партия подняла на еще большую высоту идейно-воспитательную работу и в своих рядах усилила работу по разоблачению идеологических вылазок классового врага.

В своем стремлении использовать против партии всякое идеологическое оружие, классовый враг не упускает и литературу. Не случайно, борясь с пролетарскими и приближающимися к пролетариату художниками, вроде В. Маяковского, представители формализма, этой реакционнейшей буржуазной школы в литературоведении, поднимают на щит творчество буржуазно-дворянских, империалистических писателей прошлого, вроде Н. Гумилева, Анны Ахматовой и буржуазных реакционных писателей современности, вроде К. Вагинова, Н. Заболоцкого и др. Не случайно реакционные критические рецепты Воронского приводят некоторых художников-перевальцев к прямой челобитной за кулака («Молоко» Катаева, «Гугенот из Териберки» Правдухина и др.). Не случайны, наконец, в современной литературе и прямые троцкистские высказывания, протаскиваемые под флагом художественного творчества («Ортодоксы» А. Тарасова и др.).

В области литературной науки, где еще совсем недавно партия обнаружила и разгромила меньшевистскую школу Переверзева, меньшевистские теории в работах старого меньшевистского литератора Кубикова, меньшевиков-вредителей

Икова, Суханова и др., — работниками ЛИЯ ЛОКА была обнаружена и разоблачена, в свете указаний тов. Сталина, развернутая система троцкистских взглядов, протаскиваемых под видом «литературной науки» в работах бывшего меньшевика, уже исключавшегося из партии троцкиста Г. Горбачева.

В виду того, что отмеченные факты были показаны мною и другими товарищами из бригады ЛИЯ ЛОКА лишь в суммарной газетной статье, а также и потому, что в своей первой работе о Горбачеве («Звезда» 1931 г., № 6) я обнаружил лишь отдельные троцкистские высказывания в писаниях Горбачева, я считаю своим партийным долгом показать в настоящей статье уже в более обстоятельном плане, что именно книги Г. Горбачева, вплоть до последнего издания «Современной русской литературы» уже в 1931 г., представляют редкую по наглости и развернутости контрабанду политических, а не только литературоведческих, взглядов контрреволюционного троцкизма.

В области непосредственных литературоведческих высказываний прямая связь Горбачева с Троцким была в основном установлена мною еще в первой статье. Однако, недостаточная политическая заостренность этой первой работы, сказавшаяся в отмеченном выше смазывании прямых троцкистских высказываний Горбачева, сказалась и в анализе его литературоведческих взглядов. Не везде показана троцкистская партийная функция методологических установок Горбачева. Так, формализм Горбачева в его оценке творчества Демьяна Бедного, как писавшего, по словам троцкистского критика, «в низкой», «не воспринимавшейся» манере, а также его меньшевистская оценка М. Горького как писателя «либерально-буржуазного», есть лишь выражение троцкистского ликвидаторского взгляда на искусство и смыкается непосредственно с троцкистской клеветой на большевиков 1905 года как на «буржуазных демократов», по выражению Горбачева. Также необходимо было установить, что литфронтовская позиция Горбачева в его борьбе против РАПП тоже вытекает из троцкистского ликвидаторского взгляда на пролетарскую культуру, из антиленинской подмены культурной революции меньшевистским буржуазным культурничеством, из плехановского меньшевистского отрыва искусства от идеологии, от классовой борьбы (сравн. пятичленку Плеханова; выражение Троцкого: «Метод искусства — не метод марксизма» и горбачевское: «явление искус-

ства не есть явление политической идеологии»). Формалистские взгляды Горбачева, его переверзианские механистические установки в главе о Достоевском, Горьком и др., его воронские оценки Пушкина и Толстого как писателей «общечеловеческих», «вечных» переживаний и т. д. и т. п., точно так же как ликвидаторские по отношению к пролетарскому искусству, ультра-«левые» по форме, литфронтовские взгляды Горбачева можно понять до конца лишь в свете его троцкистских политических взглядов. Так обнаруживается тот факт, что не случайно соединились в бывшем «Литфронте», на основе борьбы против РАПП, в основном правильно проводившей линию партии в художественной литературе, ученики троцкиста Горбачева с учениками меньшевика Переверзева и участниками антипартийного право-«левацкого» блока Сырцова и Ломинадзе.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РАБОТАХ МЕНЬШЕВИКОВ И „ЛЕГАЛЬНЫХ МАРКСИСТОВ"

Говоря о ленинском этапе в литературоведении, стоя на позициях ленинской большевистской партийности, легко показать партийные буржуазные функции меньшевистского объективизма. В. Ленин при разборе первой работы Струве о народниках в реферате, зачитанном В. И. на квартире Потресова осенью 1894 г. и носившем первоначально характерный заголовок «Отражение марксизма в буржуазной литературе», хорошо показывает, как объективизм Струве, его отказ от революционной деятельности марксизма, приводит Струве на позиции либеральной буржуазии.

> Основная черта рассуждений автора, отмеченная с самого начала, — говорит В. И. Ленин, давая итоговую оценку работе Струве, — это его узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — *объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс.* [1]

Выступая, как казалось самим народникам, против них с тех же позиций, что и П. Струве, т. е. с позиций признания

---

[1] *Ленин,* изд. II, т. I, стр. 356. Подчеркнуто мной.

капиталистического развития «прогрессивным», Ленин вскрывал прогрессивность этого развития, исходя из партийных позиций определенного класса, из того, что оно, это развитие, — *будит мысль рабочего,* превращает глухое и неясное недовольство в сознательный протест, превращает мелкий бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может *безусловно* рассчитывать на *верный успех*»[1].

Таким образом, исходя из тех антагонистических классовых противоречий, которых «боялись народники» и которые тщательно замазывал П. Струве, подменявший их объективистской характеристикой «процесса вообще», — Ленин именно *в развитии этих противоречий* видел выход для их революционного разрешения в пролетарской революции, которая опять-таки является не «сама собой», а как результат сознательной партийной деятельности, организующей рабочий класс для совершения социалистической революции.

Исходя из учения Маркса и Энгельса, Ленин всегда видел в классовой борьбе, в антагонистическом столкновении классов «пружину исторического процесса», его движущее начало. Исходя из этих предпосылок в каждом своем конкретном анализе, Ленин в каждом отдельном случае вскрывал конкретно-историческую расстановку классовых сил, становясь на точку зрения определенного класса. Так и в приведенном случае с оценкой работы Струве Ленин определяет «объективизм» — в условиях обостряющейся классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, как основными на этом конкретно-историческом этапе антагонистическими классами, —как идеологию либеральной буржуазии. Ленин справедливо определяет «объективистов» в качестве людей, «всю душу полагавших на создание теорий и программ, выражающих интересы нашей буржуазии».[2]

Объективизм, как выражение буржуазной идеологии, всегда является тем водоразделом, переход за который для каждого из будущих меньшевиков (Плеханов в том числе) служил теоретическим обоснованием для каждого конкретного случая предательства интересов рабочего класса, во имя союза с либеральной буржуазией.

---

[1] *Ленин,* „Что такое друзья народа", т. I, стр. 142. Курсив Ленина.
[2] *Ленин,* там же, стр. 358.

В области объяснения исторического процесса объективизм был всегда основной базой в работах меньшевиков. Сочинения Плеханова вскрывают этот факт с предельной отчетливостью. Не классовый *антагонизм*, как у Маркса, Энгельса и Ленина, является, по Плеханову, пружиной исторического развития, а классовый *компромисс*, классовое *сотрудничество*, в рамках единого экономического «процесса» вообще. Особенно прямо формулировал эту свою установку Плеханов в известной фразе: «Владимир Мономах хорошо изобразил обычное положение дел: смерд пашет, а князь с дружиной охраняет его от неприятельских набегов. При таком положении дел есть только одно условие победы земледельцев над кочевниками: объединение первых в один политический союз». [1]

Так в изображении Плеханова классовая борьба превращена в *союз*, а лживая картина, нарисованная одним из представителей господствующего класса, умиляет Плеханова своей «идиллистичностью».

По Плеханову, «ход развития всякого данного общества» определяется не только борьбой классов (а эту борьбу не могли замолчать даже буржуазные ученые), — сколько их «дружным сотрудничеством, там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений». [2]

Так государство из орудия классового *господства* становится в высказываниях Плеханова внеклассовым фетишем, объединяющим антагонистические классы в механическое тождество. Эта основная установка, послужившая теоретическим оправданием и для будущего оборончества Плеханова и для его постоянного тяготения к союзу с либеральной буржуазией, — нашла свое наиболее полное выражение в меньшевистской теории происхождения государственной власти. Теория эта заимствована Плехановым, Троцким и другими меньшевиками у буржуазных ученых (буржуазный историк С. Соловьев, помещик Б. Чичерин и др.).

Представителям старой науки нужно было замазать классовый характер крестьянской реформы, прикрыть классовый характер государственной власти, протащить апологию классового сотрудничества, и они это сделали, создав теорию внеклассового происхождения государства в целях обороны от кочевников (Соловьев) и теорию закрепощения сословий,

---

[1] *Г. Плеханов*, „История русской общественной мысли", стр. 47.
[2] Там же, стр. 13.

в том числе и помещиков, для несения повинностей государству (Чичерин). Таким образом, государственная власть трактуется этими учеными как внеклассовая или надклассовая сила, двигающая вперед всю страну на основе сотрудничества всех классов и всех сословий и их одинакового «служения» государству. Эту же мысль развивают и все меньшевики.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ У ГОРБАЧЕВА

Посмотрим теперь, каковы взгляды на русский исторический процесс у Георгия Горбачева.

Было бы большой наивностью искать в этой области в работах Г. Горбачева ленинского применения материалистической диалектики к вопросам истории. Горбачев видит не классовые антагонизмы, а сотрудничество классов. Не классовая борьба, вырастающая на определенной экономической базе, является с его точки зрения движущей силой исторического развития в классовом обществе, а сам экономический процесс фаталистического развития производительных сил одинаково подчиняет своему движению все классы.

Для того, чтобы вытравить из исторических фактов ненавистные ему классовые противоречия, Горбачев прибегает поистине к «героическим» мерам. Если у Плеханова на Руси Владимира Мономаха существовал единый феодализм, мирно объединяющий в своем лоне «сотрудничающие» классы феодального общества, Горбачев, не желая отстать от своего учителя, создает, правда, путем некоторой кровавой процедуры, такое же «мирное» общество в рамках XVII—XVIII столетия, но уже на *капиталистической* основе.

Механистически снимая вопрос о конкретной сложности русского исторического процесса, Горбачев реальную картину острейшей классовой борьбы подменяет упрощенной картиной диктатуры торгового капитала «со времен великих князей московских», когда, по версии Горбачева, торговый капитал *«раздавил русский феодализм»*. Однако, как мы это увидим дальше, «раздавленный» феодализм снова появляется на арене истории, когда Горбачеву понадобится борьбу русского пролетариата с буржуазией превратить в буржуазно-освободительное» движение либеральной буржуазии против феодального крепостничества. Фантастическая процедура словесного уничтожения феодализма еще в XVII веке

понадобилась Горбачеву исключительно для защиты антиленинского положения о торгово-капиталистической формации и для вящшего обоснования меньшевистской теории надклассовой природы государственной власти, вынуждающей все классы общества к мирному сотрудничеству.

Торговый капитал, по утверждению Горбачева, «раздавив феодализм», передал «раздавленным» им феодалам государственную власть, «заставляя служить себе класс помещиков, условных землевладельцев, обязанных за землю воинской повинностью». [1]

А это созданное торговым капиталом правительство дворянских «приказчиков» торгового капитала само «закрепощает», по Горбачеву, впоследствии как «преданных» себе капиталистов, так и «условных землевладельцев»-помещиков, на основе служения всех классов общества интересам военной обороны государства.

Так обнаруживается, что Горбачев обеими ногами стоит на позициях буржуазной, меньшевистской теории «оборонческого» происхождения государственной власти и внеклассовой ее природы (теория «закрепощения»). Буржуазная функция этой теории, протаскивающей апологию классового сотрудничества, была показана мною выше. Здесь следует только добавить, что именно из этой же теории надклассового характера русского царизма исходил Л. Троцкий, подменяя задачи организации партией широчайших трудящихся масс для борьбы, под гегемонией пролетариата, против царизма, как органа власти эксплоататорских классов, — лозунгом бланкистской по существу, «чисто-рабочей» революции («Без царя, а правительство рабочее»).

Замазывая в своем толковании исторического процесса в России борьбу формирующихся капиталистических классов с феодализмом, Горбачев поистине перевертывает реальные отношения на голову. Вот, например, как определяет Маркс причины возникновения абсолютной монархии в Европе:

Абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые феодальные слои разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в современный класс буржуазии, и *ни одна из спорящих сторон не взяла еще перевеса над другой.* [2]

---

[1] *Горбачев*, „Капитализм и русская литература", стр. 5.

[2] *Маркс*, „Морализующая критика и критикующая мораль", — „Под знаменем марксизма", № 4—5 за 1923 г., стр. 37. Курсив мой.

Совершенно «наоборот», по Горбачеву, формируется в России абсолютная монархия. Нам известно, со слов сего ученого мужа, что феодализм давно уже «раздавлен» торговым капиталом, который «подчинил себе дворянство, привлекая его к участию в деле и прибылям, а также — через прямую зависимость от себя помещиков и их хозяйства»,[1] превращая дворян в своих «приказчиков», «администраторов торговой фирмы — империи российской». Все это Горбачев сочиняет в прямой борьбе против Ленина, который неоднократно определял самодержавие как режим, опирающийся на «гигантское землевладение крепостников-помещиков», как режим крепостнический, несмотря на «попытки самодержавия перестроиться по образцу буржуазной монархии».

Итак, по Марксу, абсолютная монархия возникает тогда, когда *еще сильны* «феодальные слои», сохраняющие в своих руках государственную власть, ибо буржуазия еще *недостаточно* сильна для того, чтобы взять эту власть в *свои* руки. А вот, по Горбачеву, торговый капитал «раздавил феодализм» и полностью подчинил себе дворянство и помещиков еще «со времен великих князей московских». Что же представляет собою абсолютная монархия, по Горбачеву? Оказывается, что абсолютную монархию дворяне, эти знатные «приказчики» торгового капитала, получили от своего хозяина «во второй половине XVIII века», добившись этого «ценой дворцовых переворотов»[2]. Пусть после этого Горбачев попробует доказать, что в такой его трактовке «дворянская власть не является надклассовой».

Действительно, если дворянское «по происхождению» правительство предписывает, хотя бы и «ценой дворцовых переворотов», свою волю торговому капиталу, то не лучше оно, по словам Горбачева, относится к самим дворянам, «хозяйничающим» на земле.

...Ушедшее хозяйничать в деревню среднее образованное дворянство, — пишет Горбачев, — было по отношению к правящей аристократии и бюрократии полно чувств, сходных с чувствами буржуа Европы к соответственным группам европейского населения»... «средний нечиновный дворянин чувствовал себя и бесправным и обиженным «временщиками» часто «подлого» происхождения... «чувствовал себя выше невежественных, «случаем» вознесенных на высоту придворных

---

[1] *Горбачев*, „Капитализм и русская литература", стр. 7.

[2] *Горбачев*, „Капитализм и русская литература", стр 13.

и сановников и взяточников чиновников. *Но перед властью приходилось гнуться.*[1]

Естественно, что все дальнейшее развитие исторического процесса в России принимает в изложении Горбачева соответствующий искаженный вид. «Благородное и правящее дворянское сословие» (там же, стр. 18) само против себя и против буржуазного (торговый капитализм, по Горбачеву) государства совершает буржуазные же революции, а старый торговый капитал и развивающийся промышленный, сложа руки, «преданно» смотрит на эту междоусобицу своих «приказчиков». Словом, история почти-что по Иловайскому: «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет».

Было бы, однако, совершенно бесполезным делом следить за всеми изгибами игривой мысли нашего троцкистского путаника. Важнее вскрыть самую логику подобных извращений действительности. В основном она уже была раскрыта выше. Марксистско-ленинское положение о борьбе антагонистических классов, противоречие между которыми, вырастающее на базе определенного способа производства, само становится причиной дальнейшего развития производительных сил, т. е. является *ведущим противоречием*, подменяется Горбачевым плехановской меньшевистской теорией *сотрудничества* классов. Сначала, как мы видели у Плеханова, это феодалы («князь с дружинниками») мирно охраняют «пашущих смердов». Затем (уже по Горбачеву) торговый капитал, «раздавив» предварительно феодализм, великодушно возвращает власть в руки «раздавленных» феодалов, поручая им охрану дальнейшего капиталистического развития России, прерываемого иногда семейными дворянскими междоусобицами и «дворцовыми переворотами». Наконец, с начала 20 гг., по Горбачеву, начинается эпоха «быстрого развития русского торгового, сельскохозяйственного и индустриального капитализма» (там же), под спудом реакции 30-х годов готовится новое мощное наступление капитализма на Русь» (там же, стр. 27), а «шестидесятые годы характеризуются стремительной европеизацией русской жизни, т. е. приближением ее к экономическому и социально-политическому строю буржуазно-демократической и промышленно-капиталистической Европы».[2]

---

[1] *Горбачев*, „Капитализм и русская литература" стр. 16. Курсив мой.
[2] Там же, стр. 41.

Словом, сначала «бе» феодализм, затем «бе» торговый капитализм, а теперь «приде» на «святую Русь» промышленный капитализм. И все это помимо борьбы антагонистических классов, само собой, под охраной «дворянского по происхождению» и надклассового, в трактовке Горбачева, правительства, сначала «охранявшего» смердов (Плеханов), затем — торговый капитал (Горбачев) и, наконец, промышленный. Все было бы удивительно просто и «приятно». Никакой борьбы, никаких противоречий. Экономический процесс, мирно (семейные междоусобицы дворянства и его «дворцовые перевороты» не в счет) развиваясь, врастает прямо в социализм. Но здесь неугомонный Горбачев делает новый меньшевистский трюк и, вынужденный как-то объяснить бурную классовую борьбу второй половины XIX века, вновь прибегает к своей спасительной теории надклассового правительства.

Во-время вспоминая, что он ведь тоже не кто-нибудь, а «революционер» (хотя бы и троцкистского толка), Горбачев объявляет свое «дворянское по происхождению» правительство «невежественных», «случаем вознесенных» «временщиков», — реакционным, и всю дальнейшую историю России изображает как единодушную борьбу *всех* классов общества против этого правительства, за капиталистическое развитие России, за буржуазно-демократический строй.

Но и здесь Горбачеву приходится проделывать необычайные «подвиги» для того, чтобы замазать, что не между правительством, с одной стороны, и всеми классами России, с другой, шла борьба за власть и за капиталистический путь развития, *а между самими этими классами* шла борьба за различные два пути *капиталистического* развития («прусский» и «американский», по Ленину).

Ничтоже сумняшеся валит Горбачев Чернышевского в одну кучу с Писаревым (которого он сам же характеризует как «экономного и практического буржуа»[1]), клеветнически превращая Чернышевского в прямого буржуазного либерала, «проповедующего», по словам Горбачева, в романе «Что делать» «индивидуалистически построенный уклад семейной жизни, основанный на разумном эгоизме, по существу — уклад мещански-умеренного благополучия».[2] В этой своей возмутительной по реакционному цинизму характеристике

---

[1] *Горбачев*, „Капитализм и русская литература", стр. 46.
[2] Там же, стр. 44.

Чернышевского Горбачев в понимании, например, теории «разумного эгоизма» у Чернышевского не поднимается выше понимания ее охранителями и либералами, прямым издевательством над которыми она, по существу, и являлась. Стоит только вспомнить тот блестящий памфлет по адресу либералов, который Чернышевский произнес устами своего Волгина из «Пролога» (речь Волгина у Рязанцева, на собрании либералов и крепостников), чтобы увидеть, насколько хорошо понимал Чернышевский классовую политику либералов, которым он даже предпочитал крепостников, как более откровенных врагов крестьянства, и с которыми он беспощадно боролся.

Приведя в своей работе «Что такое друзья народа» то самое место из «Пролога» Чернышевского, на которое я только что сослался, В. И. Ленин пишет:

> Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда она еще не была достаточно освещена даже на Западе), *понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер*, чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, *бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства.* [1]

По самым недвусмысленным высказываниям Ленина, Чернышевский боролся и с крепостниками и с *либералами*, «с такой ясностью» понимал «буржуазный характер» крестьянской реформы, со всею страстностью крестьянского революционера боролся *против* этих классов, «предопределявших разорение и экспроприацию крестьянства». И вот по Горбачеву выходит, что, по существу, Чернышевский сам чуть ли не был либералом.

Приведу еще одно высказывание Ленина, для того, чтобы было окончательно ясно, что в двух точках зрения на Чернышевского (ленинской и горбачевской) мы имеем два полярно противоположных друг другу мировоззрения: величайшее уважение большевика Ленина к Чернышевскому, как великому предшественнику и пионеру революционной борьбы эксплоатируемых классов за свое освобождение из-под ига крепостников и капиталистов, — и, с другой стороны, у Горбачева — клеветническое буржуазное

---

[1] *Ленин*, т. I, стр. 179. Подчеркнуто мной.

опошление великого социалиста-утописта, превращение его в буржуазного либерала, в певца «мещански умеренного благополучия».

Говоря о демократизме Чернышевского, Ленин постоянно подчеркивает, что Чернышевский был демократом той эпохи общественного развития России, «когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное целое».[1]

> *Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда* вера в возможность *крестьянской социалистической революции,* — вот что воодушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством.[2]

Не такого мнения придерживается, однако, Горбачев, сводящий содержание программы «нигилистов» 60-х годов к «революционно-буржуазному просветительству». Немудрено после этого, что реакционный пасквиль Достоевского на народовольцев, заключенный в «Бесах», Горбачев называет «убийственной критикой утопического социализма с точки зрения исторической и психологической диалектики», а самих народовольцев опять-таки, почти по Достоевскому, называет «буржуазными радикалами, а частью и либералами с бомбой».

Правда, Ленин в «Друзьях народа», в статье «О наследстве» и др. говорит о том, как раскололся «старый русский социализм», уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой, — выродившись «в пошлый мещанский радикализм». Однако, это определение относится к народничеству 80-х и 90-х годов, о котором Ленин говорит, что «оно не стоит ни в какой связи с «наследством» и традициями 60-х годов, а, напротив, *прямо противоречит этим традициям*».[3]

Отвечая Михайловскому в статье «От какого наследства мы отказываемся», Ленин пишет:

> Говорить о «злобных» нападках на наследство 60—70-х гг. людей, которые на самом деле «злобно» нападают *только на народничество,* нападают за то, что оно не сумело решить новых, выдвинутых пореформенной историей, вопросов в *духе этого наследства и без*

---

[1] *Ленин,* т. I, стр. 170.
[2] *Ленин,* там же, стр. 164. Курсив Ленина.
[3] *Ленин,* т. II, стр. 328. Курсив Ленина.

противоречий ему, — говорить подобную вещь, — значит прямо извращать дело.[1]

Ленин показывает, что именно «ученики» (т. е. «рев. социал-демократы», вернее будет сказать, будущие большевики) продолжают революционную основу этого «наследства», «дополнив это наследство анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей»,[2] и, освободив, разумеется, это наследство от реакционных сторон «старого русского крестьянского социализма.

Разделяя взгляд Горбачева на «просветителей», как на буржуазных либералов, *логично* будет придти к той точке зрения, что и большевики, развившие наследство «просветителей», были все теми же буржуазными либералами, боровшимися лишь за буржуазно-демократические задачи. Как ни чудовищно подобное предположение, оно полностью подтверждается, когда переходишь к дальнейшему анализу «трудов» Г. Горбачева, к его характеристике эпохи 90-х годов.

БОЛЬШЕВИКИ КАК „БУРЖУАЗНЫЕ ДЕМОКРАТЫ" ПО ГОРБАЧЕВУ

Давая характеристику промышленного подъема в России 90-х годов, Горбачев говорит, что

развитие капитализма оживило и наполнило бодрой верой тех, кто ждал от этого торжества капитализма — торжества революции *(только буржуазно-демократической при участии в ней рабочих,* или же, вслед за этой революцией, и революции рабочей).

Ни слова о крестьянстве, ни слова о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. За то очень много лживых и клеветнических слов по части сваливания Ленина и других большевиков в одну кучу с меньшевиками и буржуазными либералами. По Горбачеву выходит, что не пролетариат и его формирующееся партийное ядро подготавливали условия для своей гегемонии в буржуазно-демократической революции, а сами они покорно шли за буржуазными либералами. Именно такой смысл имеют неодно-

---

[1] *Ленин,* т. II, стр. 333. Курсив Ленина.
[2] *Горбачев,* „Капитализм и русская литература", стр. 140.

кратные утверждения Горбачева, что представители трех «идейно-политических направлений: легальный марксизм-либерализм; экономизм-меньшевизм; революционный марксизм-большевизм» — «*во многом психологически были сходны*», что внутри группы: Струве, Туган-Барановский, Плеханов, Мартов, Аксельрод и Ленин «намечались расхождения и противоречия, но пока еще *неосознанные в их непримиримости*», что «тогда еще не легко было предвидеть *будущую противоположность Ленина и Струве*»[1] и т. д. и т. п.

Мне уже пришлось отметить выше, в самом начале этой статьи, что Ленин не только выступал против Струве[2] с самого своего появления в социал-демократических кружках Петербурга, но уже в этих своих первых выступлениях четко наметил основные идеи будущего большевизма, резко отмежевав их от идей «легального марксизма». Такова написанная весною и летом большая работа Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», работа, не только дающая уничтожающую критику народничества, выродившегося в «пошлый мещанский радикализм», но и прямо раскрывающая основные установки партийной работы для подготовки социалистической революции пролетариата. Таков реферат Ленина, беспощадно разоблачающий «узкий объективизм» и буржуазный либерализм книги Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПБ, 1894 г.), реферат, зачитанный Лениным осенью того же 1894 года на квартире Потресова и носивший характерный заголовок «Отражение марксизма в *буржуазной* литературе».[2]

Таким образом, уже в этих первых работах Ленина мы встречаем четкое отмежевание пролетарского социализма как от «пошлого мещанского радикализма», так и от буржуазного либерализма. Таким образом, уже в первых своих работах Ленин ставит перед партией революционного пролетариата как основные положительные задачи в деле подготовки социалистической революции, так и задачи беспощадной борьбы «на два фронта» против буржуазных и мелкобуржуазных влияний на пролетариат.

---

[1] *Горбачев*, „Капитализм и русская литература", стр. 140 и 172. Подчеркнуто мной.

[2] См. Воспоминания В. В. Старикова, приводимые в предислови к первому тому полного собрания сочинений В. И. Ленина Л. Каменевым, изд. II, т. XVII.

Не бесполезно в этом плане привести характерное место из воспоминаний П. Б. Аксельрода о его заграничных встречах с Лениным в 1895 г. [1]

Прочитав упомянутую выше статью Ленина против Струве, напечатанную под псевдонимом К. Тулина в конфискованном цензурой сборнике «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России», П. Б. Аксельрод заметил Ленину, что он не согласен с его слишком резким отношением к либералам, с интересами которых, по мнению П. Аксельрода, «совпадают» «в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата в России».

Ленин, по словам Аксельрода, улыбаясь, заметил в ответ: «Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы, — говорит, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы лицом».

Так даже матерый меньшевик в своих воспоминаниях оказывается честней, чем троцкистский подголосок, нагло заявляющий, что между Лениным, — гениальным организатором и вождем большевистской партии, — и идеологом либеральной буржуазии, — Струве — не было в тот период «осознанной непримиримости», что «они во многом психологически были сходны». Троцкистский характер этой наглой клеветы на Ленина и на большевистскую партию пролетариата бьет прямо в нос.

Что подобное сваливание Ленина в одну кучу с идеологами буржуазии для Горбачева не случайность — подтверждает и следующий факт. Говоря об «удовлетворительных» для марксистского сознания характеристиках идеологии Льва Толстого, Горбачев ставит Ленина на одну доску с меньшевиком Соловьевым-Андриевичем и буржуазными учеными вроде Овсянико-Куликовского и Кранихфельда. Ничего страного нет после этого, что работу Переверзева о Достоевском, протаскивающую меньшевистскую клевету на революцию, как крестьянскую (крестьянский социализм «просветителей» и народовольцев), [2] так и на пролетарскую — Горбачев считает «замечательной», называет «марксистами» либерально-буржуазного ученого П. С. Когана и вульгаризатора

---

[1] „Переписка Г. В. Плеханова и П. Аксельрод", т. I, изд. Р. М. Плехановой, М. 1925 г.

[2] *Г. Горбачев*, „Капитализм и русская литература", стр. 97.

Шулятикова, а ленинским оценкам Толстого и народничества противопоставляет «совершенно правильные», как он считает, формулировки меньшевички и механистки Л. И. Аксельрод-Ортодокс [1].

Неслучаен также и тот факт, что, говоря о «легальном марксизме», Горбачев всюду «забывает» ставить кавычки, выдавая буржуазных либералов за подлинных марксистов только «особого направления».

Было бы большой политической наивностью думать, что Горбачев только «не совсем разобрался» в переплете классовых сил, в политических течениях формирующихся партий конца XX века, что позже он поймет и покажет «осознанную непримиримость» между большевиками, с одной стороны, либералами и меньшевиками, с другой.

Ничего подобного нет в «сочинениях» Горбачева вплоть до самого последнего времени. Уже в последнем издании книги «Современная русская литература», вышедшем в 1931 году, — Горбачев говорит о меньшевиках «в эпоху 1905 года и в эпоху реакции, как о носителях рабочей идеологии в ее *меньшевистском* крыле», [2] т. е. считают меньшевизм одной из форм *пролетарской* идеологии.

Как определяем мы политическое содержание партий, входивших во II Интернационал до окончательного раскола большевиков с меньшевиками? Тов. Сталин дает совершенно четкую формулировку в статье «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)»:

> II Интернационал был тогда партией блока пролетарских и мелкобуржуазных интересов в угоду мелкобуржуазным социал-пацифистам, социал-шовинистам... большевики не могли тогда не сосредоточивать огонь против центристов, пытавшихся подчинить пролетарские элементы интересам мелкой буржуазии... большевики обязаны были тогда проповедывать идею раскола, ибо без этого пролетарии не могли бы организовать свою собственную революционную марксистскую партию.

Итак, довоенный меньшевизм был оппортунистическим течением *мелкой буржуазии*, проводившим либерально буржуазные влияния в рабочем движении и предавшем окончательно это движение во имя интересов шовинистической буржуазии в период империалистической войны. А Горба-

---

[1] *Горбачев*, «Капитализм и русская литература», стр. 94.
[2] Там же, стр. 44. Курсив мой.

чев, выступая как самый настоящий троцкист, объявляет эту мелко-*буржуазную* идеологию одним из «крыльев» идеологии «пролетарской».

Меньшевистский характер такого утверждения очевиден сам собой.

Меньшевистская точка зрения на рабочее движение эпохи двух революций, вообще, довольно отчетливо выпирает в высказываниях Горбачева. Таково, например, у него меньшевистское понимание культурно-политического роста рабочего класса в качестве буржуазного культурничества, противопоставленного задачам политической борьбы рабочего класса.

Так Горбачев, клевеща на героический русский рабочий класс, принявший после поражения революции 1905 года на свои плечи тяжелые годы реакции, пытается уверить современного читателя, что «общий культурный подъем русского пролетариата» этого периода объясняется не ростом его политического сознания, в процессе прямой классовой борьбы, а условиями «годов реакции, заставивших рабочих уйти с арены прямой политической борьбы».[1] Выходит, по Горбачеву, что *политическая борьба мешала* культурному росту рабочего класса, вместо того, чтобы его поднимать. Только меньшевик-ликвидатор, предававший в годы реакции правительству Николая Кровавого героическую партию пролетариата, уходящую с Красно-Пресненских баррикад в подполье, мог, так клеветать на русский рабочий класс. И что подобного рода высказывания для Горбачева не случайны, показывают его более поздние троцкистские обвинения по отношению к пролетариату СССР, уже строящему социализм, в том, что «повседневное, житейское, бытовое, интимное, эмоциональное, личное, *идущее от общей жажды знания*, волнует массы непосредственнее, *чем общая политическая пропаганда, чем* «отвлеченные» от окружающей «частной» и групповой жизни «*политические вопросы*».[2]

И здесь клевета на рабочий класс и здесь меньшевистское противопоставление «личного» обще-классовому, «общей жажды знания» политике и политической пропаганде.

Решая, таким образом, вопросы культурной революции по-меньшевистски, подменяя их меньшевистским буржуазным культурничеством, противопоставляя отдельную лич-

---

[1] *Горбачев*, „Современная литература", стр. 40.
[2] Там же, стр. 291. Курсив мой.

ность всему классу и его политической борьбе за исторические классовые задачи, — Горбачев обнаруживает свое настоящее лицо ликвидатора и оппортуниста. Целый ряд добавочных доказательств, идущих по этой же линии, будет приведен мною дальше в несколько иной связи.

Здесь же необходимо еще указать на факты ликвидаторского, троцкистского отношения Горбачева к пролетарской культуре и литературе. Такое отношение вполне естественно для человека, по мнению которого рабочие, уходя «с арены прямой политической борьбы», занимаются буржуазным культурничеством. Это культурничество, по Горбачеву, заключалось в «общеизвестной тяге пролетариата и *демократии* вообще в эти годы ко всяким формам самообразования (клубы, народные университеты и т. п.)». Одной из форм такого культурничества считает Горбачев и то, «что десятки и сотни этих безвестных писателей взялись за перо и стали коряво и неумело рассказывать о своей жизни». [1]

Общеизвестно аналогичное заявление Троцкого, считавшего пролетарскую литературу 1923 года фактом культурной учебы советских рабочих, никакого отношения к *художественной* литературе не имевшим. Заявление Троцкого, этого «героя фразы», по отношению к Демьяну Бедному, что если тот не поэт, то он «больше, чем поэт», — «большевик поэтического рода оружия» — это заявление лишь прикрывало вычурной фразой все то же капитулянтское отношение к пролетарской культуре, буржуазное, барское неверие в ее творческие силы.

Буквально такое же самое отношение к пролетарской литературе встречаем мы и у Г. Горбачева. Рост пролетарских писателей эпохи первой революции и следующих за ней лет оценивается Горбачевым, как мы только-что видели, не в качестве одного из крупных успехов культурной революции на основе бурного политического роста рабочего класса *в процессе его политической борьбы за свои исторические классовые задачи*, а как обычное «общедемократическое» культурничество, стоящее рядом с посещением «народных университетов» и т. п.

Такое же капитулянтское отношение встречаем мы у Горбачева и в оценке таких крупнейших пролетарских писателей этой эпохи, как Максим Горький и Д. Бедный. Оказывается, по Горбачеву, что «не только буржуазная интелли-

---

[1] *Горбачев*, „Современная русская литература", стр. 40. Курсив мой.

генция, но и революционная литературно-квалифицированная среда долго не признавала Д. Бедного «настоящим» поэтом, потому-де, что он писал в «запретной», «низкой» манере, «литературно не воспринимавшейся» после Бальмонта, Брюсова, Блока».[1] А раз «не воспринимала» буржуазная интеллигенция и «литературно-квалифицированная среда», то какой же может быть разговор о Демьяне Бедном, как о художнике.

Какое дело Горбачеву до того, что Бедный прекрасно воспринимался со своей «низкой» и «запретной» манерой революционными рабочими, читателями большевистских «Звезды» и «Правды», и служил громаднейшим фактором их политического и художественного воспитания.

Еще более возмутительно расправляется Горбачев с любимейшим писателем мирового рабочего класса, «крупнейшей фигурой пролетарского искусства» (Ленин), — Максимом Горьким.

В полном согласии с меньшевистскими критиками вроде Р. Григорьева, на которого он сочувственно ссылается в своей оценке, Горбачев называет Горького меньшевиком, а затем превращает его же в буржуазного либерала, заявляя, что Горький «всегда был ближе к буржуазной интеллигенции, нежели к рабочему классу» и «должен был в конце концов отойти от революционного пролетариата, с которым у него, человека 90-х годов, полного пафоса европеизации России, не было прочных связей».[2]

...Основное для Горького, — пишет Горбачев, — было в конце XIX и в начале XX вв. противопоставление капитализма и феодализма, а не капитализма и социализма. *Это было струвистским противопоставлением прогрессивной капиталистической культуры феодализму и натуральному хозяйству, с оставлением в тени вопроса о классовой борьбе внутри капиталистической культуры.*[3]

Так, в полном согласии с меньшевиками и против В. И. Ленина, давшего прямое определение Горького, как «крупнейшего пролетарского писателя», Горбачев клеветнически

---

[1] *Горбачев*, „Современная русская литература“, стр. 51.
[2] *Горбачев*, „Капитализм и русская литература“, стр. 152.
[3] *Горбачев*, „Современная русская литература“, стр. 35. Курсив мой.

превращает Горького в струвиста, навязывая Горькому собственное свое меньшевистское понимание классовой борьбы в царской России.

Своими утверждениями того, что суть интересов пролетариата, что суть «противопоставления угнетенных и Востока и Запада, руководимых пролетариатом, — угнетателям-империалистам», «оказалась для Горького непонятной» — Горбачев льет воду на мельницу буржуазных писак, организующих травлю Горького.

Немудрено после этого, что, сделав величайшего пролетарского писателя струвистом, Горбачев сам «струвизм», эту прямую идеологию буржуазии, делает *«крайне левым»,* субъективно-*социалистическим* течением буржуазной демократии».

Подарив Горького Струве, Горбачев этого последнего заключает в свои меньшевистские объятия, наглядно иллюстрируя буржуазную сущность меньшевизма. Так обнаруживает Горбачев лицо человека, протаскивающего под прикрытием разговоров о литературе откровенную контрабанду прямых меньшевистских идей и меньшевистской, буржуазной клеветы на большевистскую партию пролетариата.

Расправившись с Демьяном Бедным и Горьким, превратив других пролетарских писателей в аполитичных культурников меньшевистского толка, превратив, с другой стороны, подлинных меньшевистских писателей той эпохи, — вроде А. Бибика («Современная русская литература», стр. 44) в писателей пролетарских, Горбачев обеими руками расписывается в солидарности с меньшевистскими взглядами по этим вопросам.

Давши развернутую меньшевистскую трактовку вопросов культуры, Горбачев «достойно» завершает свои подвиги тем, что приписывает свою капитулянтскую установку... Ленину и другим большевикам. Сознательно замалчивая ленинскую постановку вопроса о культурной революции, ленинскую постановку вопроса о партийности литературы, искусства и блестящие образцы применения этих партийных установок в конкретных литературных оценках Лениным М. Горького, Л. Толстого и др., Горбачев клеветнически заявляет, что «для лучшей, наиболее активной части революционной среды характерен в этом отношении чрезвычайно слабый интерес Ленина к вопросам литературы и искусства». [1]

---

[1] *Горбачев,* „Современная русская литература", стр. 30

Отдавая литературу на откуп Ионовым и Воронским, Горбачев пытается превратить Ленина и др. большевиков в эмпирических деляг, не понимавших роли литературы в политической борьбе рабочего класса, не интересовавшихся этим сильнейшим оружием идеологической борьбы в течение громадного промежутка времени — с эпохи «90-х гг. до конца гражданской войны».[1]

Горбачев однако никуда не спрячет ленинские совершенно недвусмысленные высказывания о партийности художественной литературы, о роли искусства в политической борьбе рабочего класса, поражающие своей партийной целеустремленностью конкретные ленинские оценки отдельных писателей и его же, наконец, прямое указание на значение художественной литературы для изучения через нее революционным социал-демократом своих классовых врагов: царской бюрократии, помещиков, буржуазии и т. д.

Необходимо, наконец, подвести итоги этой главы. Анализируя горбачевские политические оценки, касающиеся эпохи между двумя революциями, мы установили: 1) меньшевистские взгляды Горбачева на политическую борьбу рабочего класса, 2) попытку навязать в целях политической клеветы эти же меньшевистские взгляды Ленину и другим большевикам, 3) капитулянтское отношение к пролетарской культуре и литературе, дополненное клеветой на М. Горького и Демьяна Бедного, 4) попытку выдать довоенных меньшевиков, — мелко-буржуазную партию, проводящую политику либеральной буржуазии — за партию революционного пролетариата, 5) клеветническое сваливание Ленина и других большевиков в одну кучу с буржуазными либералами и меньшевиками.

Все это, вместе взятое, необходимо Горбачеву для того, чтобы протащить под маской «литературоведческих» «ученых» рассуждений типичную троцкистскую клевету на Ленина и большевиков, обвинив их в том, что они *все время боролись под руководством либералов за буржуазно-демократическую революцию, «перевооружившись» оружием Троцкого лишь в 1917 году, что вплоть до самой Октябрьской революции они были лишь «буржуазными демократами».*

Что подобного рода вывод не вымысел и не поклеп на Горбачева, показывают не только приведенные выше факты. Горбачев сам потрудился сформулировать изложенный выше

---

[1] *Горбачев*, „Современная русская литература".

взгляд совершенно недвусмысленно. Вот что пишет сам Горбачев на 41 странице своего «капитального» труда о современной русской литературе, говоря о большевиках эпохи первой революции:

подпольщик-большевик того времени может считаться пролетарским политиком, *хотя бы в нем и преобладало настроение демократической борьбы с царизмом*, организацией которой он в значительной мере занимался. *Хотя бы он имел в потенции шансы отойти от рабочего движения, когда оно перейдет к непосредственной борьбе за социализм.*

Нельзя назвать приведенный отрывок иначе, как антипартийной клеветой на боевое прошлое нашей партии, клеветой, вызывающей негодование по отношению к «гнилому либерализму» ответственных работников Лен. отд. ГИХЛа, *третьим изданием* распространяющего в широчайших вузовских и рабфаковских кругах это патентованное ИЛЯЗВом собрание антипартийных измышлений.

НЭП В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ ТРОЦКИЗМА

Горбачев был исключен в свое время из рядов партии, как активный участник троцкистко-зиновьевской оппозиции в Ленинграде. Как показывает последнее издание книги «Современная русская литература», вышедшей уже в 1931 году, Горбачев не только не провел борьбу со своими взглядами, за которые он был исключен из партии, но все чаще продолжает протаскивать контрабандой, под видом «ученых» исследований о литературе, систему троцкистских и правооппортунистических взглядов, клеветнические обвинения партии и советской власти в термидорианском их перерождении. Картина, рисуемая троцкистским подголоском, до крайности недвусмысленна по своей возмутительной клевете на партию и откровенной апологетике Троцкого. Большевистская партия, влачившая, в изображении Горбачева, жалкую участь меньшевистского и буржуазно-либерального охвостья, поднялась на время на гребень социалистической революции, вооружившись оружием Троцкого. Но с наступлением нэпа это «богатырское оружие» падает из ее ослабевших рук, дух «перманентной революции» отлетает вместе с Троцким от хладного трупа партии, и она решительно становится на путь... буржуазного перерождения. «Крепче» не смог бы сказать и сам «учитель», вероятно, с удовольствием прочитавший эту продиктованную им контрреволюционную клевету.

Уже самое введение нэпа изображается Горбачевым, как сдача рабочим классом важнейших позиций буржуазии. Горбачев нагло утверждает, что партия и советская власть, вводя нэп, властно позвали всех, еще способных к активности, представителей дореволюционной буржуазии и интеллигенции к новой жизни (?? *С. М.*) на роли: «спецов», арендаторов, подрядчиков, в новые журналы, газеты, суды, в новую школу, на всякую культработу и т. д.» [1]

Таково клеветническое, искаженное изображение Горбачевым нэпа, как полной капитуляции рабочего класса перед буржуазией, как полной передачи важнейших областей пролетарской культуры в руки «всех, еще способных к активности» («активности» Кондратьевых, Громанов и Рамзиных,—Г. Горбачев?!!) «представителей дореволюционной буржуазии».

Больше того, описанное только-что фантастическое становление рабочего класса на колени перед буржуазией Горбачев изображает в дальнейшем как благодетельное спасение рабочего класса буржуазными варягами, извлечение его ими из непролазной грязи, тупости и невежества.

Вот как изображает наш троцкист рабочие и крестьянские массы, строящие под руководством ленинской партии социализм. «*Невежество масс,* общественная пассивность *громадных групп населения*», [2] — такова характеристика героического русского пролетариата и крестьянства, создающих первое в мире социалистическое общество, добивающихся все новых и новых успехов культурной революции, увеличивших в несколько раз количество школ и вузов по сравнению с уровнем, доставшимся в наследство от царизма; масс, отличающихся небывалой политической активностью, участвующих в управлении невиданным в мире государством. Для троцкистского барина все это — только «невежественные», «пассивные» и даже «трусливые» массы (см. его характеристику крестьянства: «Трусость и ненависть деревни ко всякой власти», [3] предпочитающие «интимное», «личное», «житейское» и т. д. «политической пропаганде» и «политическим вопросам», [4] предпочитающие буржуазных писателей проле-

---

[1] *Горбачев*, „Современная русская литература", стр. 74. Курсив мой.
[2] Там же, стр. 75. Курсив мой.
[3] Там же, стр. 53. Подчеркнуто мной.
[4] Там же, стр. 291.

тарским за освещение первыми «нейтрального материала, *не лезущего в глаза прямой агитацией и пропагандой*».[1]

Эти устряловские контрреволюционные характеристики пролетариата, крестьянства и трудящихся Советского Союза Горбачев протаскивает для того, чтобы изобразить нэп, как полосу буржуазного культурничества, как избавление масс от невежества с помощью сердобольных «представителей дореволюционной буржуазии».

Ненависть к лени, апатии, российскому разгильдяйству, к азиатчине, грубости и неуменью ценить свой и чужой труд и созданные им ценности, неустанная пропаганда знания и уважения к нему. Пафос производительной, сознательной, хорошо организованной работы, уважения к человеческой личности и т. д. и т. п. — вот за что, по мнению Горбачева, творчество Горького — ценимо нашими сознательными пролетариями, знающими все мерзости быта, даже самих пролетариев, даже революционно настроенных людей нашей отсталой страны.[2]

Снова целый ассенизационный обоз троцкистской клеветы уже на передовых «сознательных пролетариев», «революционно настроенных», но сохраняющих «все мерзости быта»: «лень», «апатию», «азиатчину», «грубость», «разгильдяйство» и т. д. и т. п. И рядом с подобными возмутительными по своей наглости обвинениями сознательных пролетариев, — призыв к «пропаганде знания» (какого, Г. Горбачев?!!), к пафосу «хорошо организованной работы» (какой работы и во имя чего??), к уважению «человеческой личности» (личности господина Рамзина в том числе??). Все это (т. е. абстрактные, чисто буржуазные фетиши капиталистической культуры, перечисленные только-что Горбачевым, *С. М.*) звучит особенно в тон задачам наших дней, дней борьбы с безграмотностью, пьянством, самоуверенным невежеством, небрежностью в работе, грубостью быта, хамством и хулиганством».[3]

Так определяет Горбачев задачи, которые «пролетарская революция в нашей стране ставит себе» тогда, «когда начинается подъем культурной революции». Борьба с «самоуверенным невежеством», «хамством», «пьянством» (почему бы не добавить сюда еще и куренья, Г. Горбачев?!), за уваже-

---

[1] *Горбачев*, „Современная русская литература", стр. 80. Подчеркнуто мною.

[2] Там же, стр. 37.

[3] Там же, стр. 37.

ние к «личности» вообще и к «слабой физически» в особенности, — таковы задачи, которые, по мнению Горбачева, ставит себе пролетариат в период «подъема культурной революции». Велико же должно быть неуважение троцкистского профессора к «невежественным» и «хамским» представителям «сознательных пролетариев», утопающих в «мерзостях быта», — чтобы считать перечисленные задачи основными задачами эпохи «подъема культурной революции».

Заявляя, что «подход Горького к «культуре» никогда не был «классово-выдержанным», Горбачев дает толкование ее «классово-выдержанное» в духе троцкизма, в духе меньшевистской подмены культурной революции рабочего класса буржуазным культурничеством, борьбой «за культуру», вернее, как говорит он сам, за «культурность, элементарнейшую, но необходимую нам». [1]

Так завершает Горбачев полный круг своего меньшевистского противопоставления культурной революции рабочего класса его политической борьбе, своей троцкистской клеветы на русский рабочий класс, начиная с эпохи первой революции, кончая эпохой строительства социализма в СССР.

Все это троцкистское здание Горбачев завершает коронной для троцкизма клеветой о термидорианском перерождении большевистской партии, изображая ее, по существу, как собрание «интеллигентов: врачей, артистов, администраторов особенно... окраинных (?! С. М.) и т. д., через которых проникают, по Горбачеву, в партию «буржуазные настроения». [2] После всего сказанного Горбачевым раньше («невежество масс» мерзости быта» «сознательных пролетариев» и т. д.), никого не смогут обмануть его маскирующие обвинения партии в термидорианстве слова — об «успешной «в основном» борьбе пролетарской идеологии с буржуазными влияниями.

Немудрено после приведенных выше горбачевских характеристик нэпа, пролетарита, пролетарской культуры, партии, и т. д., что, говоря о социалистической промышленности, Горбачев предпочитает называть ее терминами «новая экономика» «государственная» промышленность и т. д., толкуя их постоянно в духе зиновьевской концепции госкапитализма. Таково, например, его клеветническое обвинение в капиталистической эксплоатации рабочих на социа-

---

[1] *Горбачев*, „Современная русская литература".
[2] Там же, стр. 75.

листических заводах, смыкающееся с клеветой современных буржуазных газет на 6 условий т. Сталина, как на введение на советских заводах *капиталистической* рационализации.

Исходя из своего положения о капиталистическом характере неравенства в оплате труда, Горбачев должен видеть «капиталистические отношения» и при социализме, где, по указанию Ленина и тезисов о второй пятилетке, еще будет сохранена разница между квалифицированным и не квалифицированным трудом и разница в оплате между ними.

Определяя таким образом Советский Союз как страну *госкапиталистическую*, страну, где в важнейших областях хозяйства и культуры работают капиталистические варяги, страну «невежественных» масс и «вырождающейся» партии, т. е. *как страну буржуазно-перерождающуюся*, Горбачев, однако, принимает некоторые меры для того, чтобы прикрыть слишком обнаженный характер своих троцкистских высказываний. Так рядом со своими клеветническими картинами буржуазного распада страны, Горбачев ухитряется совмещать абсолютное отрицание буржуазной опасности в Союзе.

Говоря об этом буржуазном влиянии, — пишет Горбачев, — не следует думать, что дело идет о сколько-нибудь широком распространении в массах стройной и законченной идеологии новой буржуазии.

Формирование буржуазной идеологии в СССР невозможно, по мнению Горбачева, в силу целого ряда факторов: 1) «Развитие и оживление советской государственности», (?!) подорвали, по словам Горбачева, самую «возможность укрываться в порах советского аппарата, занимаясь физическим саботажем». (Утверждение, явно облегчающее работу вредителей самым отрицанием их существования); 2) развитие враждебной идеологии делает невозможным по Горбачеву «монопольное положение и государственную пропаганду марксистских коммунистических идей, строгость нашей цензуры, нетерпимость нашей государственности и общественности к враждебным ей идеям и теориям».[1] Что это все как не «заклинание» враждебной классовой идеологии цензурой, политическая близорукость и казенный оптимизм, дезориентирующие в борьбе с буржуазной идеологией!

---

[1] *Горбачев*, „Современная русская литература", стр. 76.

Подо всю эту правооппортунистическую недооценку буржуазной опасности Горбачев подводит как фундамент особую теорию «пассивности» нашей буржуазии.

Враждебные революции или *пассивно-недоброжелательные* к ней элементы, — пишет Горбачев, — экономически и особенно *культурно* относительно еще слабы политически и идейно малоактивны — и т. д. [1]

Кондратьевцы и рамзинцы в представлении Горбачева выглядят как толстовские хлюпики. В его представлении существует лишь литература «пассивно-буржуазная», т. е. «не направленная прямо против социалистических моментов в нашей жизни». [2] В довершение своих адвокатских выступлений в защиту контрреволюционной буржуазии, Горбачев осмеливается утверждать *принципиальную невозможность существования антисоветской буржуазии.*

«*Неспособные,*— пишет он, — приноровиться к новым условиям, *усвоить* новую, хотя бы и буржузную, но совершенно своеобразную «*советски-буржуазную*» (?! *С. М.*) *психологию, обречены на вырождение и гибель.*

Хороши были бы мы, если бы, следуя советам Горбачева, сложа руки ждали, пока нежелающие вырабатывать «пассивную» психологию буржуазные элементы *вымрут сами собой*, обреченные Горбачевым на «вырождение и гибель».

РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД В ИЗОБРАЖЕНИИ ТРОЦКИСТА

Переходя к оценке реконструктивного периода, Горбачев и здесь протаскивает развернутые троцкистские установки по основным вопросам. Так, в полном согласии с Троцким, Горбачев определяет реконструктивный период, как период «затухания» социалистической промышленности. Горбачев так буквально и пишет, что в годы реконструкции «темп роста государственной промышленности, определяющей в основном удельный вес социалистических элементов нашего хозяйства, *замедляется* по сравнению с окончившимся периодом восстановления производительных сил». [4]

Такая же капитулянтская точка зрения у Горбачева и по отношению к коллективизации сельского хозяйства. Уже в

[1] *Горбачев*, „Современная русская литература", стр. 286. Подчеркнуто мною.

[2] Там же, стр. 79.

[3] Там же, стр. 74. Подчеркнуто мною.

[4] Там же, стр. 78. Курсив мой.

1931 году после бурных успехов колхозного строительства Горбачев повторяет позорные троцкистские прогнозы о «*медленном и трудном* в ближайшие годы развитии *коллективистических начинаний* в сельском хозяйстве».[1]

Капитулянтская точка зрения по отношению к коллективизации сельского хозяйства полностью вытекает у Горбачева из его троцкистской трактовки крестьянства, рассматриваемого им в целом, как сила антисоциалистическая, — из троцкистского отрицания «возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело социалистического строительства в деревне» (Сталин).

Троцкистское клеветническое определение повторяет Горбачев в отношении крестьянства, рассматривая его как сплошной *антисоциалистический* класс. «Трусость и ненависть деревни ко всякой власти»,[2] — пишет Горбачев, — в одном месте. Ту же трактовку крестьянства, как *сплошной* социальной силы, *противостоящей пролетариату*, дает Горбачев в книге «Два года культурной революции» (стр. 161), повторяя там мысль Троцкого о том, что не между пролетариатом и буржуазией, а «между пролетариатом и крестьянством» колеблется будто бы мелкобуржуазная интеллигенция.

Совершенно очевидно, что подобные определения вытекают из типичного троцкистского тезиса о борьбе пролетариата и крестьянства как двух враждебных друг другу классов, которые, по любезному разъяснению Горбачевым своего учителя, именно в качестве классов *антагонистов* «*долгое время* будут существовать» (там же. Курсив мой). Что подобная теорийка, построенная с целью разбить *союз* пролетариата и крестьянства, на руку *только классовому врагу*, очевидно само собою.

Рассматривая деревню в целом, т. е. вместе с кулачеством, как силу антисоциалистическую, Горбачев не может однако замолчать совершенно процессов классовой дифференциации, происходящих в ней в годы *реконструктивного* периода. Продолжая троцкистскую фальсификацию политики нашей партии и реальных социально-экономических процессов, Горбачев наперекор партийным оценкам и решениям утверждает, что советская деревня идет не по социалистическому, а по *капиталистическому* пути развития.

---

[1] *Горбачев*, „Современная русская литература". Подчеркнуто мною.
[2] Там же, стр. 53. Курсив мой.

Медленное и трудное в ближайшие годы *развитие коллективистических начинаний в сельском хозяйстве* не может пока парализовать *отрицательных последствий дифференциации деревни* и начинающегося относительного аграрного перенаселения.[1]

Троцкистско-зиновьевская фальсификация периода вступления в социализм, «достойно» завершается Горбачевым поистине чудовищным извращением политики нашей партии. Оказывается, что не наступление пролетариата на капиталистические элементы страны на основе социалистической реконструкции города и деревни открыли «пятнадцатый съезд ВКП(б) и ряд последующих партийных решений». (Они, по словам нашего троцкиста, лишь «констатировали усилие буржуазного *наступления*».) И что лишь *в ответ* «на усиление активности врага большевистская партия *ответила усилением классовой борьбы и контрнаступления* во всех областях». «Обострение классовой борьбы, наличие правых уклонов в рабочем классе и партии» являются, по Горбачеву, не отражением влияний сопротивляющихся своему уничтожению капиталистических элементов страны, а лишь отражением *«мелкобуржуазного сопротивления»* (75 стр.).

Подобное *извращение* кардинальнейших решений нашей партии в период социалистического наступления пролетариата является антипартийной клеветнической вылазкой, классового врага, протаскивающего свои политические взгляды под прикрытием «литературной науки».

ГОРБАЧЕВЩИНА КАК СИСТЕМА ТРОЦКИСТСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Товарищ Сталин в политотчете ЦК XVI съезду ВКП(б) (раздел III, глава 2) дает три основных признака, характеризующих «существо троцкизма».

Существо троцкизма, — говорит т. Сталин, — состоит прежде всего в отрицании возможности построения социализма в СССР силами рабочего класса и крестьянства нашей страны. Что это значит? Это значит, что если в ближайшее время не подоспеет помощь победоносной мировой революции, мы должны будем капитулировать перед буржуазией и расчистить дорогу для буржуазно-демократической республики.

Горбачев в своих литературных работах не выступает *прямо* с отрицанием возможности строительства социализма

[1] *Горбачев*, „Капитализм и русская литература", стр. 22—23. Курсив мой.

в нашей стране. Однако, его трактовки социалистической промышленности как госкапитализма, теория затухания социалистической промышленности в реконструктивный период, отрицание возможности коллективизации деревни в «ближайшие годы», клеветническое утверждение *капиталистического* характера ее развития (рост кулачества, пауперизация беднейшего крестьянства) и т. д., — показывают, что фактически Горбачев строительство социализма в СССР и самую его возможность *отрицает*. Таким образом, по первому пункту сталинского определения существа троцкизма Горбачев полностью стоит на позициях контрреволюционного троцкизма и, не рискуя высказать свое отрицание строительства социализма в СССР прямо, Горбачев постоянно протаскивает его контрабандой.

Существо троцкизма состоит, во-вторых, — говорит тов. Сталин, — в отрицании возможности вовлечения основных масс крестьянства в дело социалистического строительства в деревне. Что это значит? Это значит, что рабочий класс не в силах повести за собой крестьянство в деле перевода индивидуальных крестьянских хозяйств на коллективные рельсы, что если в ближайшее время не подоспеет на помощь рабочему классу победа мировой революции, крестьянство восстановит старые буржуазные порядки.

По этому второму основному признаку троцкизма Горбачев, как мы это видели в предыдущей главе, целиком и почти в открытом виде стоит на позициях троцкизма, определяя крестьянство как класс антисоциалистический, целиком и полностью враждебный пролетариату, класс, который идет по капиталистическому, а не социалистическому пути развития, как класс, который пролетариат не способен повести за собой.

Таким образом и по этому второму основному вопросу Горбачев стоит на позициях контрреволюционера Троцкого, борется против партии под знаменами контрреволюционного троцкизма.

Существо троцкизма, — говорит т. Сталин, — состоит, наконец, в отрицании необходимости железной дисциплины в партии, в признании свободы группировок в партии, в признании необходимости образования троцкистской партии. А что это значит? Это значит провозглашение свободы политических фракций в партии. Это значит, что вслед за свободой политических группировок в партии должна пройти свобода политических партий в стране, т. е. буржуазная демократия.

Как обстоит дело у Горбачева в этом третьем пункте? Само собой понятно, что *прямо* своих троцкистских взглядов по этому вопросу Горбачев не излагает. Даже «гнилые

либералы», ответственные за выход троцкистской книжки Горбачева, вряд ли пропустили бы такое место. Однако и эта троцкистская установка протаскивается, как мы видели выше, контрабандой.

Товарищ Сталин в своей речи «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)» показывает, как протаскивают свои взгляды на партию троцкисты. Они пытаются изобразить положение в нашей партии таким, каким оно было в довоенной социал-демократии, где «были правые (большинство), были левые (без кавычек) и были центристы, вся политика которых состояла в том, чтобы подкрасить левыми фразами оппортунизм правых и подчинить левых правым».

Вы знаете, — говорит т. Сталин, — что троцкисты так изображают дело: есть «левые», это, дескать «мы» — троцкисты, настоящие ленинцы». Есть «правые», это — все остальные; есть, наконец, «центристы», которые колеблются между «левыми» и «правыми».

Тов. Сталин тут же разоблачает контрреволюционную сущность такого изображения дел, ибо «так могут говорить лишь люди, которые не видят и не понимают принципиальной разницы между партией социал-демократической довоенного периода, которая была партией блока пролетарских и мелкобуржуазных интерсов, и между партией коммунистической, которая есть монолитная партия революционного пролетариата».

Не рискуя протащить прямые троцкистские взгляды на большевистскую партию сегодняшнего дня, потому что трудно сейчас прямо выступать под опозоренными знаменами троцкизма, Горбачев пытается по-троцкистски оклеветать большевистскую партию в прошлом, представляя ее, как мы показали выше, в качестве партии буржуазных демократов, поддерживающих политику либеральной буржуазии. Если же добавить сюда, что меньшевизм Горбачев считает «крылом» *пролетарской* идеологии, а, говоря о нашей партии сегодняшнего дня, делает клеветнический намек на ее будто бы разложение, — приходится констатировать, что и по третьему существенному признаку троцкизма, устанавливаемому тов. Сталиным, т. е. по взглядам на партию, Горбачев так же не далек от Троцкого Если же добавить сюда, что меньшевизм Горбачев считает «крылом» *пролетарской* идеологии, а, говоря о нашей партии сегодняшнего дня, делает клеветнический намек на ее будто бы разложение, — приходится констатировать, что и по третьему существенному признаку троцкизма, устанавливаемому тов. Сталиным, т. е. по

взглядам на партию, Горбачев так же не далек от Троцкого. Если же добавить сюда троцкистско-меньшевистскую концепцию русского исторического процесса у Горбачева, его меньшевистскую характеристику народничества, троцкистскую характеристику интеллигенции как внеклассовой силы, троцкистское противопоставление культуры и политики, троцкистское капитулянтское отношение к пролетарской культуре, троцкистскую теорию «кризиса» современной пролетарской литературы и т. д. и т. п., будет совершенно очевидным, что в *«литературных» работах Горбачева мы имеем не отдельные рецидивы троцкистских политических высказываний, а развернутую и законченную систему троцкистских взглядов по ряду основных вопросов.*

ГОРБАЧЕВЩИНА КАК ТРОЦКИСТСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Если в области протаскивания прямых политических взглядов троцкизма Горбачев прибегает большею частью к той или иной форме маскировки, далеко не всегда выступая открыто и прямо против партии, то в области литературоведческих высказываний он более открыто выступает против марксистско-ленинской методологии, против линии партии в вопросах литературы. Недаром в своей книге «Два года культурной революции» Горбачев, подвергая «критике» основной литературный сборник своего учителя «Литература и революция», откровенно заявляет, что именно ему он *«обязан многим из своих взглядов, оценок, высказываний и помыслов»*. Эту фразу, могущую с полным правом быть наиболее определяющим сущность высказываний Горбачева эпиграфом к статье о нем, Горбачев подкрепляет апологетической оценкой капитулянтской, антиленинской книги Троцкого, как книги «отдельные главы и страницы» которой, по мнению Горбачева, «должны войти во все хрестоматии как образцы марксистского анализа». Наконец, и по основному вопросу, определяющему литературоведческие позиции Троцкого, как позиции идеалистические и буржуазные, Горбачев полностью стоит на стороне Л. Троцкого.

Действительно, если последний заявил, что *метод искусства не есть метод марксизма»*, то Горбачев ему в тон подтверждает, что *«литература не есть явление политической идеологии»*. После разбора политических взглядов Горбачева само собой очевидно, что подобные насквозь идеали-

стические положения вытекают из меньшевистского отрыва литературы от политики, идеологии от классовой борьбы.

Подобная точка зрения, идущая несомненно от меньшевистских высказываний Плеханова, в частности от его пятичленки, игнорирующей классовую борьбу, открывающей искусство от идеологии и т. д., — сближает Горбачева с другим учеником и продолжателем Троцкого в литературе — с А. Воронским, также идущим по линии развития кантианских высказываний Плеханова в законченную систему идеалистической эстетики.

Действительно, в своей оценке двух крупнейших русских писателей XIX века — А. Пушкина и Льва Толстого — Горбачев целиком стоит на идеалистических позициях А. Воронского, наглядно обнаруживая реакционную, буржуазную, по существу, политическую функцию этой теории.

Верхушка достигшей зрелости дворянской интеллигенции, — пишет Горбачев, — покоится на высшей точке культурного развития своего класса, *уйдя от политики* и дел государственных... умея сочувственно понять самые противоречивые идеи, бывшие ей близкими в разные периоды ее богатой, пестрой и зашедшей в некий удобный тупик жизни.

Пушкин при всей своей необеспеченности и неуспокоенности выражал настроение этого слоя дворянства — культурного, умудренного опытом, благодушно-созерцательного, эстетически-чуткого и в то же время разочарованного... Недаром он мечтал — *не зависеть ни от властей ни от народа, по прихоте своей бродить по земле, наблюдать жизнь и наслаждаться красотою.* [1]

Либеральная болтовня о «замерзшей культуре» «дворянской интеллигенции», противопоставляемой Горбачевым всему классу помещиков-крепостников, прикрывает здесь типичную меньшевистско-троцкистскую точку зрения на интеллигенцию, как особую надклассовую группу, способную встать над «узкими» классовыми интересами, способную все понять, «все простить», а поэтому и все видеть. «Отсюда, — уверяет нас Горбачев, — *гениальные прозрения в чуждые переживания:* «Маленькие драмы» Пушкина, его «Повести Белкина», его «Египетские ночи». [2]

Если объективизм Переверзева сводит классовое познание действительности до узких пределов *самопознания* ме-

---

[1] *Горбачев,* „Капитализм и русская литература", стр. 22—23. Курсив мой.

[2] Там же. Курсив мой.

тафизически трактуемой психологии класса, т. е. поворачивается худшим видом *субъективизма,* то субъективизм Горбачева в приведенной выше оценке Пушкина расширяет способность классового познания до *общечеловеческого,* и даже *пантеистического,* перерастая в абсолютный, т. е. такой же метафизический объективизм. Само собой разумеется, что на деле объективизм и Переверзева и Горбачева есть лишь особая маскирующаяся объективизмом форма проявления классового субъективизма, партийных оценок меньшевистских буржуазных идеологов в литературе.

В самом деле, иначе как меньшевистским замазыванием партийного характера, классовой идеологии литературы, нельзя назвать это обожествление личности, поэта и природы искусства, возведение их в ранг «общечеловеческих» и «внеклассовых» явлений, которое заключено, например, в следующей горбачевской характеристике поэзии Пушкина:

Пушкинская ясность — несколько ироническая (?! *С. М.*), беспорывная,, трезвая, жизнерадостная и *мудрая*... пушкинское *холодновато-ласковое* (?? *С. М.)* благоволение *ко всему;* мудрое и внимательное, изумительно-чуткое и восприимчивое *ко всему прекрасному,* созерцательство и готовность перенять *любой интересный* мотив...[1]

Трудно найти достаточно крепкие слова, чтобы квалифицировать с надлежащей резкостью эту идеалистическую болтовню, содержание которой полностью говорит само за себя.

Однако, высказывания Горбачева о Толстом побивают даже приведенные только-что его разглагольствования о Пушкине. Широко известны ленинские, насквозь партийные оценки творчества Толстого последнего периода. Сославшись в целях классовой маскировки на эти ленинские оценки, Горбачев на деле протаскивает свои, прямо им противоположные.

Оказывается, по Горбачеву, что «основное содержание творчества Толстого заключается в изображении глубочайших корней и детальнейших проявлений тех душевных переживаний, которые можно признать *общечеловеческими* для почти всего классового общества», что в «Анне Карениной» было гениально изображено *«общечеловеческое, родовое, физиологическое»,* что «Толстым изображается главным образом *не историческое, а психо-физиологическое* —

---

[1] *Горбачев,* „Капитализм и русская литература", стр. 23. Курсив мой

психология возраста, пола, болезни, трудовых процессов, — половых переживаний, *абстрагированных от социальной обстановки»* и *что именно это наиболее ценно* в творческом наследии Толстого».[1]

Куда приводят подобные насквозь идеалистические, буржуазные взгляды на искусство, меньшевистски замазывающие классовый характер искусства, как идеологии антагонистических классов, разговорами об «общечеловеческом», «физиологическом» и «родовом», — достаточно отчетливо обнаружила практика писателей, следовавших критическим рецептам Воронского и докатившихся через свой «внеклассовый» гуманизм к челобитной за «обижаемого» пролетариатом кулака, как это случилось с Ив. Катаевым в «Молоке» и рядом других писателей «перевальцев», сделавших писательскую «заявку» на *будущий* Ангарстрой только для того, *чтобы уйти куда-нибудь от классовой борьбы сегодняшнего дня.*

А это в свою очередь смыкается с утверждением меньшевика Переверзева о том, что партийность «мешает» художнику и, наконец, с замечаниями самого Л. Троцкого, в его статье на смерть Есенина, утверждающего, что Есенин покончил с собой потому, что «не пришелся ко времени», что лирику «общечеловеческих», «интимнейших» и т. п. переживаний задушила эпоха классовой борьбы.

Все эти выступления особенно в период обострения классовой борьбы, в период ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, показывают, как разговоры о «внеклассовом» и «общечеловеческом» поворачиваются на деле в нашем классовом обществе защитой партийных позиций определенных классов, — в данном случае выступлением с позиций ликвидируемого пролетариатом кулачества. Так обнаруживается как троцкистские и меньшевистские критики постоянно выступают теперь в своих теоретических и критических высказываниях и «оценках», как представители передового отряда контрреволюционной буржуазии» вообще, как представители кулачества у нас в СССР в частности.

Не избежал этой участи и Г. Горбачев, который, выступая в одних случаях с травлей левого крыла идущих к нам мелкобуржуазных попутчиков (М. Слонимский и др.), в дру-

---

[1] *Горбачев*, „Капитализм и русская литература", стр. 72, 73, 74. Курсив мой.

гих случаях, берет под свою защиту правых писателей вроде Л. Грабаря, с их ново-буржуазными и троцкистскими тенденциями, а также кулацких писателей, вроде Н. Клюева и С. Клычкова, которых Горбачев покрывает, относя их в «Современной русской литературе» к писателям «мелко-буржуазным», лишь «склонным» к кулацким настроениям (стр. 110).

Так обнаруживается с полной отчетливостью, как первая струя методологии Горбачева, т. е. воронщина, вытекает из его троцкистских политических взглядов и помогает Горбачеву проводить активно эти взгляды в конкретных критических оценках отдельных писателей и отдельных литературных произведений.

Вторая основная струя в методологии Горбачева, также непосредственно идущая от Л. Троцкого, — это его формализм, отчетливо выпирающий в самом законченном виде в целом ряде выступлений троцкистского критика. Широко известно, что сам Троцкий неоднократно выступал с защитой формалистов, как литературных «спецов», и в своих собственных работах неоднократно применял формальный метод, наглядно обнаруживая свое постоянное сростание с наиболее реакционной буржуазной школой в литературоведении, как сросся он с представителями буржуазной науки в области исторической науки и др.

Мне уже приходилось в своих первых статьях о Горбачеве обстоятельно показать его полное срастание с формалистами по ряду кардинальнейших вопросов. Горбачев, как типичный эклектик, разрывает форму и содержание, становясь в своем анализе «формы» целиком на позиции формалистов. «Форма» для Горбачева есть какая-то автономная от классовой борьбы область, имманентно развивающаяся сама собой.

> Форма Бальмонта, — пишет Горбачев, — истощила себя, перейдя в высшую ступень развития в мистической и утопической музыке стихов Блока и выродившись в вульгарности Игоря Северянина. [1]

Таков чрезвычайно характерный образчик формалистических упражнений Горбачева. Ограничиваясь в этой статье лишь одним этим примером из многочисленного формалистского багажа Горбачева, покажу лишь, как формализм Горбачева выполняет свои партийные меньшевистско-троцкист-

---

[1] *Горбачев*, „Современная русская литература", стр. 12. Курсив мой.

ские функции. Так, на основе формалистского подхода к явлениям литературы Горбачев определяет «реализм 10-х годов» как единую группу писателей *«близких по общему мировоззрению»,* писателей, между которыми, по мнению Горбачева, *«нельзя провести резкой классовой грани,* ни по их литературной манере ни по их политическим симпатиям, ни по мироощущению».[1]

Меньшевистская вылазка, заключенная в попытке (характерной для Горбачева и в ряде других мест), *замазать классовый характер литературы, отрицать классовую борьбу,* происходящую в ней и посредством ее, — обнаруживается, когда выясняется, каких именно писателей сваливает Горбачев в группу, внутри которой будто бы и не было политической и идеологической борьбы. В этой «единой» классовой группе оказываются и *поместный писатель Бунин и пролетарский писатель Максим Горький.* Словом, картина достойная разве что Д. Горбова, автора мифа о «едином потоке» в советской литературе.

Выпуская целый ряд примеров, дополнительно подтверждающих меньшевистски партийный характер формалистских высказываний Горбачева, пытающегося замазать факты классовой борьбы и протащить теорию «дружного сотрудничества классов (Плеханов), ограничусь еще одним примером, который я уже приводил в начале этой статьи. Речь идет об утверждении Горбачева, что Д. Бедный «не признавался за «настоящего» поэта «революционной литературно-квалифицированной средой», потому что писал в «низкой», «запретной» манере, *литературно не воспринимавшейся* после Бальмонтова, Брюсова, Блока.[2]

Совершенно наглядно формализм служит здесь Горбачеву для протаскивания троцкистского, капитулянтского отношения к пролетарской литературе и культуре, обнаруживая отчетливо буржуазное партийное лицо этой реакционной теории. Таковы же и все другие формалистские высказывания Горбачева. В одном случае они нужны Горбачеву для того, чтобы одобрить раннего Маяковского, периода его близости к наиболее реакционному художнику кубо-футуризма, В. Хлебникову, и охаять позднего Маяковского, периода его наиболее решительного становления на позицию пролета-

---

[1] *Горбачев,* „Современная русская литература“, стр. 18. Курсив мой.
[2] Там же, стр. 51.

риата; в другом случае, формалистские рассуждения Горбачева об отсутствии у акмеистов и символистов, периода империалистической войны и пролетарской революции, достижений в области разработки «новых сюжетов» и «примеров», прикрывают отказ разоблачить упомянутых художников, как представителей контрреволюционной буржуазии и т. д. и т. п. Словом, и формалистская струя в методологии Горбачева, так же как в иных случаях воронская, служит троцкистскому критику средством для протаскивания под маской «литературного анализа» все тех же меньшевистских и троцкистских идей.

Третьей наиболее существенной струей в литературоведческой концепции Горбачева, идущей на этот раз целиком от меньшевика Переверзева (хотя она нисколько не чужда и Л. Троцкому), — является меньшевистский *механистицизм*, отчетливо обнаруживающий себя в ряде высказываний Горбачева. Если в одних случаях «форма» по Горбачеву «имманентно развивается сама собой, то в других случаях он прибегает к механистическим объяснениям ее развития.

Так, совершенно по-переверзевски объясняет Горбачев «эпическую неторопливость» произведений Льва Толстого условиями быта «усадебного помещика», «живущего... в спокойной обстановке».[1]

«Четкие, замкнутые в строгие формы» стихи В. Брюсова, «язык довольно скупой и сжатый и т. д., — отражают, по мнению Горбачева, «лучшие черты его предков, деловитых, расчетливых, активных буржуа, выбившихся из рабского состояния энергией, упорством, самоограничением».[2]

«*Разорванная композиция*» произведений Пильняка, отражает, по словам Горбачева, «*разорванность сознания* мелкобуржуазного попутчика интеллигента», и т. д. и т. п. Недаром после подобных механистических «откровений» Горбачев, чувствуя некоторое моральное неудобство перед Переверзевым, приносит благодарность своему учителю, расшаркиваясь перед ним и называет работу последнего о Достоевском «замечательной», а его механистское объяснение «зависимости «форм» Достоевского от капиталистического города» — «довольно удачным».[3]

Что Горбачев скатывается не только на литературоведче-

---

[1] *Горбачев*, „Капитализм и русская литература", стр. 90.
[2] Там же, стр. 162.
[3] Там же, стр. 101. Курсив мой.

ские, но и политические позиции Переверзева, показывает их единогласная меньшевистская попытка выдать черносотенный пасквиль Достоевского в «Бесах» «за блестящую» критику «народовольцев».

Так и в этой последней части обнаруживается полное единство меньшевистско-троцкистской литературоведческой концепции Горбачева с его троцкистскими политическими позициями. С тем большим правом имел Горбачев возможность сказать, что именно Л. Троцкому он «обязан многими из своих взглядов, высказываний и помыслов».

Нельзя не признать чрезвычайную меткость и точность этой самохарактеристики проговорившегося троцкиста.

Тем большую партийную бдительность в разоблачении троцкистской контрабанды, в какой бы одежде она ни появлялась, должна проявить наша партийная критика, ибо признание Горбачева относится ко временам его *открытого* троцкизма (1927 г.), нынешние же троцкисты проговариваются далеко не каждый день.

Большевистская партийная критика должна не только на фактах прямых политических высказываний, но и в замаскированных высказываниях троцкиста-литературоведа обнаружить и разоблачить контрреволюционное лицо классового врага.

ГОРБАЧЕВЩИНА КАК ТРОЦКИСТСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В „ЛИТФРОНТЕ"

Было бы большой наивностью думать, что троцкизм нашел в литературоведении только одного Горбачева в качестве контрабандного проводника своих идей.

Ряд бывших соратников Горбачева по «Литфронту» (А. Камегулов, Д. Тамарченко и др.) выступает сейчас, после разгрома Горбачева как троцкиста, и признает свою вину, выразившуюся в примиренчестве и в покрывательстве троцкиста Горбачева во имя фракционных интересов «Литфронта» в его борьбе против линии партии в литературе, в основном правильно проводившейся и проводимой РАПП. Однако, дело не только в примиренчестве, либерализме и т. д. Необходимо понять, что Горбачев использовал «Литфронт» для пропаганды своих троцкистских взглядов и что в этой своей деятельности в «Литфронте» Горбачев не был одинок.

Когда просматриваешь сейчас внимательно книги и статьи соратников Горбачева по «Литфронту», обнаружи-

ваешь в выступлениях многих руководителей ленинградского «Литфронта» менее развернутые, чем у Горбачева, но совершенно отчетливые троцкистские высказывания, протаскиваемые под защитой разговоров о художественной литературе. Таковы, например, работы любимого адъютанта Горбачева — М. Майзеля.

Возьмем к примеру такую последнюю книжку Майзеля, как «Краткий очерк современной русской литературы», вышедшую уже в 1931 году. Здесь мы довольно легко обнаруживаем целый ряд троцкистских идей, встреченных нами уже у Горбачева. Такова, например, трактовка нэпа, отрицание наличия сколько-нибудь развернутой буржуазной идеологии в СССР (т. е., по существу, отрицание самой буржуазной опасности), такова, в особенности, троцкистская трактовка Майзелем интеллигенции, как особый надклассовой группы, частично «купленной» буржуазией для проведения своих классовых взглядов *лишь перед самой империалистической войной*. Таков целый ряд других идей, менее развернутых, чем у Горбачева, но не менее бьющих в глаза, чем у него. Сюда же надо добавить апологетику, проводимую Майзелем по отношению к *меньшевистским* высказываниям Г. Плеханова, наиболее обнаруживающим ревизионистский характер его работ. Такова апология плехановской *пятичленки*, выбрасывающей классовую борьбу и сводящей идеологию к психологии, таковы кантианские высказывания Плеханова о «ложной идее», кантианское противопоставление утилитарной публицистичности и «чистой» художественности, антимарксистская трактовка теории «искусства для искусства» и т. д. и т. п. Книжка Майзеля интересна как раз тем, что она не только развивает эти меньшевистские идеи Плеханова в общетеоретической форме, но и прямо обнаруживает их меньшевистский характер в своем применении их к анализу современной литературы.

Ряд троцкистских идей протаскивает в своих книжках вплоть до самой последней («На посту», Федерация, 1931 г.) и старый соратник Горбачева по его фракционной борьбе против партийной линии (в основном правильно проводимой руководством РАПП) С. А. Родов, соединяющий в своих работах худшие стороны всех рапповских фракционных группировок, действовавших когда-либо в РАППе. У него мы встречаем и троцкистскую теорийку о «кризисе» пролетарской литературы и отрицание буржуазной опасности в статье о Пильняке и вреднейшую теорию, определяющую всякую

литературу как классовую «самокритику», т. е. теорию, прикрывающую враждебный пролетариату, клеветнический по отношению к социализму характер буржуазной литературы и т. д. У Родова же мы найдем обоснование блока горбачевцев с учениками меньшевика Переверзева во имя традиционной борьбы Родова против РАПП, провозглашение «победы» «литфронтовских» идей в РАПП после разгрома «Литфронта» и т. д. и т. п.

Троцкистские идеи протаскивает в своих статьях и Мустангова; такова, например, ее меньшевистско-троцкистская трактовка народничества в предисловии к избранным произведениям Некрасова, изданным в прошлом году Ленотгизом.

Рассматривая деятельность троцкистских контрабандистов, сгруппировавшихся в бывшем «Литфронте», нельзя также оставить в стороне последние работы Г. Лелевича, активного троцкиста, лишь недавно восстановленного в партии. Лелевич, хотя и не был официально в «Литфронте», но может быть по полному праву назван его духовным отцом, ибо именно его идеи защищал все время старый соратник Лелевича — Горбачев, донесший эти идеи вплоть до самого последнего времени и положивший их в основу творческих установок и тактической деятельности «Литфронта», вплоть до его фракционной борьбы против партийной линии в литературе.

Ряд статей, появившихся в последнее время по поводу последней книжки Лелевича «Поэзия революционного разночинства» (статья Гвоздарева в № 3 «На литературном посту» за 1932 г., материалы «Литературной газеты» и др.), в основном правильно вскрывают ряд троцкистских идей, протаскиваемых Лелевичем в упомянутой книге.

Так обнаруживается с полной отчетливостью тот факт, что группа руководящих работников ленинградского «Литфронта» представляла по существу в своей деятельности группу троцкистских контрабандистов, создавших и использовавших литературную группировку внутри РАПП не только в целях разложения пролетарской литературной организации, но и для контрабандной пропаганды прямых троцкистских идей. Если же просмотреть, с другой стороны, состав московской группы «Литфронт», то обнаружится, что, за исключением А. Безыменского и некоторых более или менее случайных для «Литфронта» товарищей, последний состоял либо из прямых участников антипартийной, фракционной право-«левацкой» группы Сырцова-Ломинадзе, боров-

шихся активно против линии партии (Зонин, Солянов) либо из учеников меньшевика Переверзева, также использовавших созданную ими литературную группировку в целях пропаганды антипартийных и меньшевистских идей. Сознательное игнорирование Ленина, апологетика меньшевистских сторон Плеханова, апологетика меньшевистской концепции Переверзева, клеветническая меньшевистская характеристика Горького, как писателя мещанского (Беспалов и др.) и т. д. и т. п. — вот что характеризует теоретическую деятельность руководящей группы московского «Литфронта». Сюда же следует отнести и такого представителя ленинградского «Литфронта», как А. Камегулова, который, помимо переверзианской литературоведческой меньшевистской концепции протаскивает в своей книжке «Стиль Глеба Успенского» меньшевистскую плехановско-потресовскую концепцию народничества, т. е. фактически борется с ленинской партийной постановкой этих вопросов.

Тов. Гельфанд, один из бывших руководителей «Литфронта», пытаясь в свете письма тов. Сталина поставить вопрос о задачах партии на фронте литературоведения, поступает далеко не партийно, когда рядом с совершенно недостаточной критикой Лелевича и Фриче *вовсе обходит вопрос о роли «партийных друзей Переверзева»* (своей в том числе), и об их партийной ответственности за ту контрабанду меньшевистских взглядов в литературоведении, проводниками которой они были.

Сопоставляя все перечисленные выше факты, нельзя не придти к выводу, что деятельность бывшего «Литфронта» наиболее полно обнаруживает попытку использования литературной группировки для протаскивания своих взглядов классовым врагом, в период обостренной классовой борьбы и бешеного сопротивления развернутому социалистическому наступлению ликвидируемых капиталистических элементов. Блок меньшевистских, троцкистских и право-«левацких» идей, — вот что представлял, по существу, собой бывший «Литфронт» в своей теоретической деятельности.

Само собой разумеется, что эту деятельность нельзя оторвать и от творческих установок «Литфронта», противопоставленных им творческой платформе РАПП, которая, при всех ее ошибках, в основном правильно реализует линию партии в художественной литературе. Наоборот, нельзя не видеть того, что сами творческие взгляды бывшего «Литфронта» тесными нитями связаны с политическими взгляда-

ми его вождей, в особенности же с представителями контрабандного троцкизма.

Приведем итоговое определение троцкизма, данное тов. Сталиным в «Политотчете ЦК XVI съезду ВКП(б)» (раздел III, кл. 2):

Капитулянтство на деле как содержание, «левые» фразы и «революционно» авантюристские замашки как форма, прикрывающая и рекламирующая капитулянтское содержание, — таково существо троцкизма.

Эта двойственность троцкизма отражает двойственное положение разоряющейся городской мелкой буржуазии, не терпящей «режима» диктатуры пролетариата и старающейся либо перескочить «сразу» в социализм, чтобы избавиться от разорения (отсюда авантюризм и истерика в политике), либо, если это возможно, пойти на любые уступки капитализму (отсюда капитулянтство в политике).

Этой двойственностью троцкизма и объясняется тот факт, что свои «бешеные» будто бы атаки против правых уклонистов троцкизм обычно увеличивает блоком с ними, как с капитулянтами без маски».

Справедливость приведенной характеристики была обнаружена нами при разборе политических взглядов Горбачева. И у него мы обнаружили «левые» фразы, даже обвинение партии в центризме и либерализме, — прикрывающие на деле собственный капитулянтский скат Горбачева на позиции меньшевизма. И у него «бешеные» на словах атаки против правых заканчиваются на деле блоком с ними по таким вопросам, как отрицание буржуазной опасности в реконструктивный период, отрицание бурных темпов индустриализации (теория «затухающей кривой» соцпромышленности), отрицание возможности сплошной коллективизации советской деревни «в ближайшие годы» (см. «Современную русскую литературу» стр. 78 и др.) и т. д. и т. п.

Капитулянтская сущность троцкизма сказалась и в творческих установках Горбачева. «Левые» фразы о «кризисе» пролетарской литературы, «бешеные», на словах, атаки против буржуазной опасности в литературе (воронщина и т. д.) «левацкие» творческие лозунги», предлагающие заменить «буржуазные» психологические жанры «пролетарскими» публицистическими, — все это обнаруживает паникерство перед трудностями перестройки пролетарской литературы, стремление «перескочить» эти трудности, посредством публицистических жанров, минуя тяжелую и сложную борьбу за творческую перестройку, за упорное и планомерное овладение методом диалектического материализма. С другой стороны, практика Горбачева показывает, как эти

«левые», на словах, установки, «левацкая» критика ошибающихся попутчиков, борьба, на словах, против малейших проявлений буржуазной опасности, «бешеная», на словах, атака против переверзевщины и т. д., — поворачиваются на деле отрицанием буржуазной опасности, защитой ново-буржуазных тенденций в романах Грабаря, прямым блоком с меньшевиствующими переверзианцами, прямым скатом на их капитулянтские «без маски» теории о буржуазной «обреченности» мелкобуржуазного попутчика, о безнадежности бороться за его перевоспитание и т. д.

Так обнаруживается капитулянтская сущность Горбачева не только в области его прямых политических взглядов, представляющих систему троцкизма, но и в области его литературоведческих, литературно-политических позиций и даже его «чисто-творческих» взглядов, тесно связанных между собой и также обнаруживающих в своей основе буржуазную, капитулянтскую сущность троцкизма.

Тем большая ответственность ложится на каждого из бывших «литфронтовцев», обязанных не только отмежеваться от Горбачева и осудить его *политические* взгляды, но и тщательно продумать вопрос о своих творческих взглядах, представляющих, как это было показано выше, один из путей проникновения троцкистской идеологии под маской «чисто-творческих» установок.

Горбачевщина, как литературное представительство троцкизма, должна быть обезоружена и разоблачена, в каких бы защитных формах она ни появлялась! Маска с троцкистских контрабандистов должна быть сорвана до конца!

ЗА ЛЕНИНСКУЮ ПАРТИЙНОСТЬ, ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ КОНТРАБАНДЫ В ЛИТЕРАТУРЕ!

Доклады, решения и выступления на XVII партийной конференции, а также статьи партийной печати вокруг нее, раскрывают задачи последнего года пятилетки, как года завершения в основном сплошной коллективизации в деревне и ликвидации кулачества как класса на этой базе. Установки второй пятилетки — развертывают задачу уничтожения классов, задачу построения внеклассового социалистического общества в СССР. Однако, все эти выступления и статьи совершенно правильно заостряют и подчеркивают ту мысль, что названные задачи не только не снимают вопроса о классовой борьбе, но прямо ее предполагают. Сопротивление ликвидиру-

емых капиталистических элементов обостряется по мере приближения их к окончательной гибели, и даже полная победа социализма не снимет немедленно задач по борьбе пролетариата с рецидивами этого классового сопротивления, задач по вытравлению последних остатков мелкобуржуазной психологии.

В таких условиях, очевидно, что борьба ликвидируемых капиталистических элементов против пролетариата, в том числе и во всех областях идеологии не только не снимается в этом году, но встает еще более остро.

Совершенно очевидно, что классовый враг, несмотря на тот отпор, который он встретил со стороны партии по линии своих попыток контрабандой протащить свои контрреволюционные взгляды, не оставит этого пути и в дальнейшем. Совершенно очевидно, что разоблачаемый и разбиваемый партией классовый враг постарается выработать на ряду со старыми и новые приемы борьбы, нащупать новые формы сопротивления пролетариату.

Помимо теоретического участка, на котором были разоблачены и разбиты партией различные формы контрабанды троцкистских, меньшевистских и иных буржуазных взглядов, громадный плацдарм классовой борьбы и классовых столкновений представляет собой *художественная литература*.

Не обошли этого участка и троцкистские контрабандисты. Троцкистскую клевету на нашу партию протаскивает в своей книге «Ловцы сомнений» Л. Овалов, троцкистскую клевету на кадры в «Ортодоксах»—А.Тарасов, и т. д. и т. п. Художественная литература наглядно показывает враждебные пролетариату функции той или другой реакционной литературоведческой теории. Так идеалистические рецепты Воронского обертываются в художественной литературе буржуазным гуманизмом и челобитной за кулака в различных «Гугенотах из Териберки» (Правдухин). Творческие рецепты формалистов, этой наиболее реакционной школы, воюющей против «нехудожественней» пролетарской литературы и поднимающей на своих знаменах творчество наиболее воинствующих буржуазных поэтов прошлого, вроде империалиста Н. Гумилева или Анны Ахматовой,—эти творческие рецепты поворачиваются зачастую в современной художественной литературе клеветническим искажением нашей действительности. Так, искажает и опошляет эту действительность в своих стихах любимец ленинградских формалистов поэт Н. Заболоцкий в своей книге «Столбцы», вышедшей в начале реконструктивного периода.

«Новый быт» у Заболоцкого выглядит как типичная мещанская идиллия, где под восторженный рев заводов «новый быт, даруя милость, подносит в блюде осетра», где

...принимая *красный* спич,
Стоит на столике *кулич*.

Народный сад имени Ленина, где собираются летом тысячи пролетариев Ленинграда, чтобы провести свой трудовой отдых, выглядит в изображении Заболоцкого как собрание отвратительных мещан — «девок», ожидающих «женихов», и женихов, хватающих этих девок «повыше видимых коленок». Даже героическая Красная армия не избежала клеветнического опошления со стороны распоясавшегося формалиста. Вот как изображает он ее:

Там *колпаки* красноармейские,
А с ними дамочки *житейские* (?!! *С. М.).*

Колхозные крестьяне выглядят в изображении Заболоцкого как сборище кретинов и помешанных (см. его «Колхозную поэму» в «Звезде» за 1930 г.). Один из крестьян,

Сидя в овраге,
Объясняет философию собаке,

а другой с таким же усердием объясняет *корове* «систему сложных молотилок». Естественно, что в таких условиях единственно здравым существом в колхозе и вдобавок существом «революционным» оказывается... осел!! Ибо, как пишет Заболоцкий: «В хлеву свободу пел осел».

Не приходится даже комментировать это развязное буржуазное издевательство над советской действительностью. Можно лишь удивляться тому, как этот наглый голос классового врага попал на страницы *нашей* печати. Можно лишь требовать ответственности по отношению к тем головотяпам, которые предоставили страницы советской печати для прямой буржуазной клеветы.

Если Заболоцкий «функционировал» в печати два года тому назад, выявляя реакционные политические функции формализма в художественной литературе в наиболее обнаженном виде, то и сейчас, правда, в более осторожном и замаскированном виде, формализм в творческом методе того или другого художника продолжает обнаруживать свою реакционную, буржуазную сущность. Формалистские взгляды на искусство, якобы стоящие вне классовой борьбы, протаскивает в своей последней книжке «Художник неизвестен»

В. Каверин. Другая книга Каверина «Пролог» наглядно показывает, куда приводят подобные творческие установки, ибо в этой своей книге Каверин докатывается до буржуазной клеветы на совхозный пролетариат, описывая колхозных работниц как «национализированных» женщин, живущих «со всеми комбайнерами, механиками и учетчиками участка».

К реакционному искажению действительности приводит формалистский творческий метод и К. Вагинова в его книге «Опыты сочетания слов посредством ритма», перевальский идеалистический метод в книгах С. Спасского и др. Буржуазным реставраторством является книга О. Форш «Сумасшедший корабль» и т. д.

Борьба марксистско-ленинской критики не будет доведена до конца, если она не свяжет борьбу против троцкистской, меньшевистской и другой буржуазной контрабанды в литературной теории с борьбой против тех же враждебных классовых вылазок *в самой художественной литературе*. Нельзя также отрывать эту борьбу с враждебными марксизму-ленинизму течениями от дальнейшей разработки *положительных взглядов самого марксизма* как в теории, так и в художественной литературе. Нельзя вести успешную борьбу с троцкизмом и меньшевизмом в литературе, не овладевая ленинским наследством в этой области, не борясь за ленинский этап в литературоведении, не стоя на позициях ленинской партийности в науке и литературе.

Только на основе ленинских установок в политической экономии, философии, истории и литературе, только исходя, например, из ленинской концепции двух путей развития капитализма в России, можно, разоблачая буржуазный характер меньшевистских и троцкистских установок этого процесса, дать правильный ленинский анализ русского литературного процесса и др. Только на основе ленинских партийных установок в теории, вскрывая меньшевистские стороны в эстетике Плеханова, разоблачая меньшевизм и троцкизм его современных апологетов, — можно поставить и разрешить ряд насущнейших вопросов марксистско-ленинского литературоведения, — вопросы творческого метода, диалектики литературного процесса, специфики литературы и т. д. Только исходя из ленинских партийных установок в теории, развитых и подчеркнутых тов. Сталиным в его речи на конференции аграрников-марксистов в 1929 году и в последнем письме в редакцию «Пролетарской революции», — можно превратить литературную теорию в руководство литературной

практикой, увязывая тесно теоретическую постановку вопросов с нуждами пролетарского литературного движения, с воспитанием призванных в пролетарскую литературу ударников, с реализацией лозунга «За Магнитострой пролетарской литературы», с руководством по переделке основной массы попутничества, по переводу его на рельсы пролетарской идеологии и т. д.

Овладение ленинским наследством и ленинскими установками в теории и литературе гарантирует успешность борьбы против буржуазных теорий и тенденций в литературе, единственно может обеспечить преодоление отставания пролетарской литературы от задач социалистического строительства, обеспечить создание «Магнитостроев пролетарской литературы», создание большого искусства большевизма, могучего орудия в руках пролетариата по социалистической переделке широчайших трудящихся масс!

МЕНЬШЕВИЗМ И МЕНЬШЕВИСТВУЮЩИЙ ИДЕАЛИЗМ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УРОКИ ПЕРВОГО ЭТАПА БОРЬБЫ С ПЕРЕВЕРЗЕВЩИНОЙ

Дискуссия о переверзевской школе, приведшая к разоблачению и разгрому Переверзева, как ревизиониста, находится по своему политическому содержанию в одном ряду с прокатившимися раньше и позже дискуссиями философской, экономической (борьба против рубинщины), и др.

Факт проникновения ревизионистских учений в самое сердце марксистско-ленинских учреждений (Ком. академия, ИКП, РАНИОН) и поддержка этих антимарксистских учений со стороны руководящих коммунистов свидетельствуют о гнилом либерализме, о небдительном отношении ряда коммунистов к замаскированному наступлению классового врага в области идеологии. Будучи методологией меньшевизма, теория Переверзева стараниями его «партийных друзей» из ИКП и РАНИОНА (Беспалов, Зонин, Кин, Гельфанд, Янель, Запровская) была поднята на щит и всячески продвигаема на роль гегемона в области марксистской науки о литературе.

Теория Переверзева, вместо руководства литературной практикой пролетариата, как это подобало бы подлинной марксистской теории, пыталась повернуть эту практику вспять, подсунуть ей вместо программы революционного действия провокационную теорию социального «приказа». Выступая с рецептом чрезвычайного радикализма, Переверзев не сумел скрыть однако обратной стороны своего социал-демократического фразерства, вырастающего на почве экономического фатализма, с точки зрения которого «все предопределено», а литературная политика партии по перевоспитанию попутничества — пустая утопия.

Сейчас в свете фактов, вскрытых процессом меньшевиков-вредителей, особенно ясна связь методологии Переверзева с идеологией II Интернационала. В системе вредитель-

ских мероприятий, имевших целью скорейшее приближение капиталистической реставрации, не последнюю роль играли «ученые» теории Рубиных, Громанов, Базаровых и др. Осуждение меньшевистскими теоретиками мероприятий партии по планированию социалистической промышленности как субъективистских, идеалистических утопий, ничего не могущих изменить в объективном ходе вещей, провозглашение стихийного, фаталистического характера экономического процесса и т. п., — все это объективистское и нарочито «научное» рассуждательство имело своей непосредственной партийной и чрезвычайно субъективной классовой целью осуждение пролетарской диктатуры и социалистической пятилетки, как фантастических экспериментов, утверждение неизбежности капиталистической реставрации, прямую подготовку моральной почвы для интервенции.

Ту же самую цель преследовали и литературоведческие высказывания меньшевиков-вредителей. Достаточно напомнить хотя бы выступление Суханова по докладу В. М. Фриче в Комакадемии в 1928 г. об усилении буржуазных влияний в литературе. Характеризуя совершенно недвусмысленно т. Фриче в качестве литературного «чекиста», Суханов оправдывал буржуазные настроения в творчестве некоторых попутчиков законной будто бы реакцией на хлебные затруднения того времени, вызванные хлебным вредительством кулака.

«Отмените хлебные очереди, — говорил Суханов, — и сами собой прекратятся упадочные враждебные высказывания мелкобуржуазных писателей».

Такова была *внешняя* сторона тогдашних рассуждений Суханова.

Суханов не мог, разумеется, не знать, что хлебное вредительство кулака было лишь класовым сопротивлением последнего развернутому социалистическому наступлению, начатому партией в 1928 г. Таким образом, внутренний смысл его «литературного» выступления сводился к опорочиванию социалистического наступления, как «безрассудного», и к доказательству необходимости пойти на компромисс с кулаком, как основной внутренней базой капиталистической реставрации.

В свете «литературной» работы меньшевиков-вредителей раскрывается до конца и объективно-вредительский характер литературоведческой деятельности проф. Переверзева,

официально не сидевшего на скамье подсудимых. Раскрывая свое толкование роли литературной науки в докладе на конференции словесников, происходившей в 1928 г., В. Ф. Переверзев утверждает, что роль теории в литературе сводится лишь к познанию стихийных процессов действительности, к ориентации в их независящих от нашей воли течениях. Внешний активизм выступления Переверзева с теорией «социального *приказа*» явился лишь замаскированной формой все того же фаталистического пассивизма: «*Ничего нельзя изменить в сознании мелкобуржуазного попутчика революции* и можно лишь ему запретить не петь вовсе. Политика ничего не может дать литературе, как и литература политике».

Классовый смысл этих высказываний очевиден. Он сводится к попытке выхолостить классовое содержание литературы, лишить рабочий класс одного из острейших идеологических оружий, привить ему яд меньшевистского объективизма, сводящегося практически к самой откровенной поддержке капитализма, как строя, диктуемого «экономической необходимостью». В плане все той же проповеди меньшевистского политического евангелия идет и переверзевский отрыв генезиса от функции, стремление свести работу критика и литературоведа к роли литературного Нестора, который, «добру и злу внимая равнодушно», занимается лишь регистрацией и «пояснением» литературных фактов, не задумываясь над их конкретной социальной функцией в текущей обстановке классовой борьбы.

Совершенно неприкрытая, наконец, меньшевистская оценка пролетарской революции, как бунта мелкого буржуа, из «униженного и оскорбленного» ставшего унижающим и оскорбляющим других, — развернута в знаменитом отныне предисловии Переверзева ко 2-му изданию его книги о Достоевском.

Для того, чтобы остановиться на оценке Переверзева и переверзевщины *в свете сегодняшнего дня,* необходимо конкретно напомнить сильные и слабые стороны первого этапа борьбы с переверзевщиной.

Наиболее четкую партийную линию в оценке позиций Переверзева занимали на этом этапе несомненно представители рапповского руководства. Именно т. Либединский со всей резкостью поставил впервые вопрос о меньшевистском характере высказываний Переверзева в книге о Достоевском. Только представители Раппа на дискуссии в Комакадемии

поставили прямо вопрос о политическом содержании деятельности Переверзева и квалифицировали ее как меньшевистскую.

В своей рецензии на сборник стенограмм переверзевской дискуссии, изданный Комакадемией под названием «Против механистического литературоведения», рецензии, напечатанной в 4-й книге журнала «Проблемы марксизма», я допустил крупную ошибку, характеризуя доклад С. Щукина, как «правильный в основном». Уже тогда, когда писалась упомянутая рецензия, были очевидны две основных *политических* ошибки Щукина.

При всей резкости тона доклада Щукина по отношению к самому Переверзеву, *в нем отсутствует политическая квалификация концепции Переверзева как меньшевистской.* Однако, сама эта ошибка т. Щукина, будучи чрезвычайно крупной, вытекает из другой, более основной, представляющей целую линию. Известно, что доклад Щукина строился в плане противопоставления Переверзева и Плеханова. Вместо самостоятельной политической и философской оценки концепции Переверзева как меньшевистской и механистической, т. Щукин ограничился установлением фактов отдельных расхождений Переверзева с Плехановым, обвиняя Переверзева по формуле «Несть доброго, аще не от Плеханова». Именно эта порочная установка, вытекающая из щукинской апологетики Плеханова как ортодокса, и привела его к выхолащиванию политической оценки деятельности Переверзева. Ибо именно *в сопоставлении* меньшевистских установок Плеханова и Переверзева, *а не в противопоставлении* этих теоретиков как ортодокса и ревизиониста, выясняется меньшевистская сущность концепции Переверзева, являющаяся лишь *развитием и завершением некоторых объективистских посылок Плеханова* в области искусства, посылок, смыкающихся с его политическими позициями как меньшевика, кантианскими и фейербахианскими взглядами как философа.

Необходимо в порядке самокритики отметить также, что и моя книга «Переверзевщина на практике», вышедшая, не по моей вине, лишь в 1931 г., но написанная именно в первый период дискуссии, — также страдает недостаточной политической четкостью, как раз по той же причине *противопоставления* Переверзева и Плеханова, а не их *сопоставления.*

Некритическое отношение к Плеханову, неумение провести ленинские позиции партийности до конца, недооценка

всего значения ленинского наследства для марксистского литературоведения привели меня в ряде мест указанной книги к прямой апологетике Плеханова, к замазыванию меньшевистского характера его объективистской пятичленки, игнорирующей классовую борьбу, к замазыванию кантианского, идеалистического характера плехановской аналогии искусства с игрой и т. д. и т. п. Эти мои теоретические ошибки, ошибки явно право-оппортунистического порядка, смыкаются с такими же ошибками в области непосредственно политической, допущенными мною в предисловии к сборнику «Писатели о труде». Все это обнаруживает явное влияние буржуазной идеологии в моих прежних работах, влияние, без преодоления которого немыслима последовательная борьба за линию партии в литературе.

Основные недостатки известной части критики Переверзева и его учеников на первом этапе дискуссии (моя книга в том числе) сводились как раз к тому, что эта критика проводилась зачастую с плехановских позиций логизирования, а не вытекала полностью из ленинского понимания партийности теории и критики.

Задачей настоящей статьи является исправление этой ошибки, а также установление политической диференциации по отношению к *партийным ученикам Переверзева,* до сих пор ни одним словом не осудивших своих личных работ и высказываний, в которых эклектически соединился меньшевиствующий механизм, заимствованный ими у Переверзева, с меньшевиствующим идеализмом, воспринятым через философскую учебу у Деборина.

Однако, до разбора литературоведческих работ учеников и «партийных друзей» Переверзева следует еще раз остановиться на определениях философского и политического содержания литературоведческой концепции самого В. Ф. Переверзева.

„ТОЛСТЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ“ МЕНЬШЕВИКА-МЕХАНИСТА

Говоря о методологии В. Ф. Переверзева, первое место следует уделить определению философской гносеологии переверзевского мировоззрения, так как именно этот решающий момент недостаточно четко был сформулирован на первом этапе разгрома переверзевщины.

Говорилось и о вульгарно-материалистической основе методологии Переверзева и об его идеалистических выво-

дах. Недостаточно отчетливо была вскрыта сама логика этого перехода от сверхматериализма к субъективному идеализму и даже солипсизму.

Объявляя содержание искусства отличным от содержания других идеологий (не идеология, а система образов), видя классовую идеологию в прямых высказываниях литературных персонажей («образов» по Переверзеву), утверждая невозможность объективного познания других классов, — Переверзев сводит сознание к ощущению и выступает как типичный махист, превращая представление предмета в предмет представления. Кажущийся монизм механиста сводится лишь к отождествлению субъекта и объекта, откуда и исходят рассуждения об «активном бытии», лежащем в основе художественного произведения. Переверзев ищет не идею, а бытие. Бытие (хотя бы и ограниченное метафизически понятым бытием изолированного в себе самом класса) полностью находит, по Переверзеву, свое воспроизведение в явлениях сознания (художественное произведение) и наоборот: сознание совершенно тождественно воспроизводит реальное бытие. Отсюда переверзевский наивный реализм, подменяющий автора героем, ищущий идеологию автора в идеологии «автогенных» персонажей («образов»), теряющий всякий критерий различия сознания и объективной действительности, превращающий единство этих противоположностей в их тождество.

Отправляясь от сенсуалистических посылок наивного материализма (объективная действительность познается только через ощущение субъекта), Переверзев, не обладая пониманием диалектики, логически приходит к выводу: мир есть только ощущение субъекта. Еще Богданов, от которого ведет свою прямую родословную Переверзев, показал на своем примере, что классовая теория общества отлично уживается с философским агностицизмом. Для этого достаточно превратить объективный мир в продукт «организованного опыта».

Переверзев не делает подобных выводов, но его конкретные литературоведческие высказывания объективно ставят его на позиции эмпириомонизма. Так вульгарный материалист приходит к худшему виду субъективного идеализма (солипсизм), будучи по сути дела неокантианцем (объективный мир существует, но непознаваем, так как субъект познает не его, а собственные свои ощущения).

По сути дела, термин «идеология» Переверзев мог бы

вообще выкинуть из своего обихода. В его применении сама идеология растворяется в психологии литературного персонажа, есть лишь свойство его «характера». Недаром Переверзев определяет искусство именно как «воспроизведение» «социального характера», а самый характер как «систему поведения». Недаром литературоведческий анализ Переверзева и его учеников сводится к установлению основных психологических абстракций, обобщающих основные свойства этого характера. Таковы «небокоптители» (рассудительные, активные, сентиментальные и т. п.) в гоголевском анализе Переверзева, «двойники», «своевольные» и «кроткие» в его работе о Достоевском, «обломовцы» в его работе о Гончарове; «вольные», «бессильные», «беспокойные» и т. д. в работе Беспалова о раннем Горьком, «мечтатели» в статье Гельфанда о Сельвинском, «отрицатели», «бессильные» и «безвольные» в работе Зонина о Толстом и т. п.

Наиболее последовательный ученик Переверзева — Поспелов — прямо предполагает исходить в литературном анализе из «языка научной рефлексологии». Последователи Переверзева, «заимствуя» одни и те же психологические термины и у своего учителя и друг у друга, настолько обескровливают предметы своего «анализа», что все они начинают походить друг на друга. Так в конечном счете меньшевиствующие механисты становятся на схоластические позиции меньшевиствующего *идеализма*.

«Своевольные» переверзевского Достоевского обратились в «вольных» беспаловского Горького, «кроткие» первого — в «безвольных» второго. А. Зонин, ставящий кавычки рядом со своим термином «отрицатели», крадет без кавычек «бессильных и безвольных» у Беспалова, на том простом основании, что тот сам «позаимствовал» их у учителя.

С легкой руки Переверзева российская литература превратилась в сплошных «двойников», персонажи Достоевского стали походить на персонажей Горького и Толстого, «монастырский сторож» на «разочарованного аристократа», лошадь на помещика, «диалектик» Зонин на идеалиста Поспелова, Леушева на Совсуна, Фохт на Запровскую.

Несмотря на всю затруднительность говорить о подобных «экскурсах» без улыбки, приходится все же констатировать, что шутники и не думали шутить, наоборот, — они считали свое занятие марксистским литературоведением, производили друг друга в сан «диалектиков», единственных после Фриче продолжителей Плеханова (Зонин о Беспало-

ве),[1] самого Плеханова трактуя только как азбучное введение к своим работам.[2]

Если Мах сводил мир к «комплексу ощущений», то недалеко от него ушли и наши необогдановцы, сводящие этот мир к «комплексу социально-психологических переживаний» (Поспелов).

Подобная философия совершенно естественно уживается и с теорией «параллельных рядов» и с отрицанием воздействия политики на литературу. К Переверзову можно почти полностью отнести то, что Ленин говорил об эпириомонистах: «Богданов и Ко, — писал Ленин, — должны быть названы русскими Бюхнерами и Дюрингами наизнанку. Они желали бы быть материалистами вверху, они не умеют избавиться от путанного идеализма внизу. «Наверху» у Богданова — исторический материализм, правда, вульгарный и сильно подпорченый идеализмом, «внизу» — идеализм, переодетый в марксистские термины, подделанный под марксистские словечки» («Матер. и эмпир.», стр. 258). Переверзев вывернул Бюхнера под Богданова. «Вверху» у него — вульгарный материализм, «внизу» в конечном счете — субективный идеализм, ибо, растворяя сознание в бытии, Переверзев само бытие превращает в сознание. Мир, отраженный объективно какой-то своей стороной в художественном произведении, предстает перед Переверзевым как ощущение субъекта, растворяется без остатка в его акциях и реакциях.

Все более тонкая фальсификация марксизма, — пишет Ленин там же, — все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии.

«Литературоведение» «не подвезло» даже в этом смысле: ревизионизм Переверзева никак нельзя назвать «тонким». Тем меньше чести для «диалектиков», в 1929 г. не пошедших дальше Бюхнера и Богданова.

Я уже говорил, что Переверзева надо не противопоставлять Плеханову, а выводить из последнего. На первый взгляд подобные утверждения никак не уживаются с выводами о родстве Переверзева с Богдановым. Все же, несмотря на свои кантианские ошибки, Плеханов несомненно материалист, тогда как Богданов — самый откровенный иде-

---

[1] *Зонин*, «Образы и действительность», стр. 199.

[2] «Бюллетень ИКП» за 1930 г., № 1, см. рецензию И. Новича в № 9 « На лит. посту» за 1930 г.

алист. Однако, необходимо помнить, что всюду, где речь идет о сопоставлении Переверзева с Плехановым и Богдановым, имеется в виду не прямое сходство, а логика порочных высказываний, в конечном счете приводящих зачастую различных на первый взгляд людей к одинаковым результатам. Переверзев, отправляясь от Плеханова-меньшевика, полностью кладет в основу своих позиций то, к чему скатывался зачастую Плеханов, но что еще не определяет последнего целиком. Речь идет о двух основных ошибках Плеханова. Не сумев овладеть диалектикой в той мере, в какой ею владели Маркс и Энгельс, а впоследствии Ленин, Плеханов с неизбежностью скатывался на позиции фейербахианского материализма, откуда идет его биологизм, географизм, экономический фатализм и объективистская трактовка сознания. Не сумев, с другой стороны, правильно решить вопрос о возможности объективного познания действительности, Плеханов через теорию иероглифов и т. д. скатывался к кантианской трактовке мира как непознаваемой объективно «вещи в себе», к логизму и к кантовскому априоризму в вопросах эстетики. Классовая политическая функция этих ошибок раскрывается в свете политического меньшевизма Плеханова. Механистические ошибки Плеханова, сложившись в целую теорию экономического фатализма, сделались основой идеологии II Интернационала, теоретическим оправданием необходимости политического сотрудничества с буржуазией. Антидиалектический разрыв философии и экономической теории марксизма, выраженный в неопубликованном раньше варианте ответа Михайловскому,[1] послужил Плеханову оправданием политического союза с идеологами либеральной буржуазии вроде П. Струве, а собственные кантианские ошибки Плеханова делались основой для окончательного сближения международного меньшевизма и реакционнейшими идеологами буржуазии.

В. Ф. Переверзев отличается от Богданова тем, что отправляется всюду в своих работах от посылок фейербахианского материализма. Переверзев рассматривает человека не в его классовых функциях внутри классового общества, а в его *прямом отношении к природе.* Производственный процесс Переверзев понимает, по существу, как процесс непосредственного, личного воздействия человека на природу.

---

[1] См. № 4-5 «Под знаменем марксизма», за 1931 г.

Поэтому именно он и рассматривает отдельные классы фактически вне зависимости их друг от друга, вне их экономической связи, взаимодействия и борьбы внутри одной общественно-экономической формации.

Основной вопрос гносеологии о взаимоотношении сознания и материи Переверзев решает соответственно этим своим установкам механистически, превращая диалектическое единство субъекта и объекта в их механистическое тождество, представляя сознание человека в качестве абсолютного, но пассивного символа материального мира, хотя бы и ограниченного участком личной экономической деятельности этого человека. Именно в этом пункте и производит Переверзев сближение развернутых вульгаризированных фейербахианских посылок Плеханова с его кантианскими, так же развернутыми и вульгаризированными высказываниями. Сливая механистически единство сознания и объекта в тождество, Переверзев, вынужденный вместе с тем считаться с фактом их различия, превращает фактически сознание в иероглиф материального мира, приходя к утверждению, что человек познает лишь это собственное свое сознание, этот субъективный иероглиф внешнего мира, а не сам материальный мир. Так в соответствии с идеологией II Интернационала Переверзев, отправляясь от посылок механистического материализма «вверху», т. е. в области исторического материализма, приходит в конечном счете «внизу», т. е. в вопросах гносеологии, к неокантианским идеалистическим позициям.

Политический смысл этого сближения с реакционнейшей буржуазной идеологией был показан выше при анализе политического содержания «литературоведческих высказываний меньшевиков-вредителей типа Н. Суханова. В своей области Переверзев играл ту же самую роль идеологического вредителя, пытаясь выхолостить и смазать партийность литературоведческой и критической работы, пытаясь дезориентировать пролетарскую литературу в ее классовой деятельности, спровоцировать левацкий отказ от борьбы за перевоспитание основной массы мелкобуржуазного попутничества, от борьбы самой пролетарской литературы за большое искусство большевизма, единственно способное выполнить боевые задачи этой литературы в ее борьбе за общие задачи класса, за скорейшее построение социализма.

„ПАРТИЙНЫЕ ДРУЗЬЯ“ ПЕРЕВЕРЗЕВА И ИХ РОЛЬ

Решающим фактом, способствовавшим временной гегемонии концепции В. Ф. Переверзева под видом ортодоксально-марксистской, являлось поведение руководящей группы партийных работников литературного отделения ИКП и Ин-та яз. и литер. РАНИОНА (Беспалов, Зонин, Гельфанд, Кин, Янель, Запровская), разделявших и пропагандировавших все основные положения переверзевской концепции. Вплоть до самой последней минуты, уступая каждую пядь с боя, эти шесть рыцарей, вынуждаемые антипереверзевской критикой признать «погрешимость» своего учителя, до сих пор за этой фалангой неприкосновенного, — пытались всеми правдами и неправдами сохранить Переверзева в лоне марксистского литературоведения.

Под напором партийного мнения «рыцари» вынуждены были констатировать меньшевизм переверзевской теории и отлучить своего учителя от марксизма.

Однако, ни до этого, ни после этого ни один из них не попытался квалифицировать *свою собственную* позицию политически. Вся ошибка свелась ими к «ложной тактике», помешавшей «диалектикам» выступить с критикой позиций Переверзева. Если это объяснение верно, то вина «диалектиков» еще более увеличивается, ибо это означает, что они *сознательно* способствовали меньшевистской теории выдавать себя за последнее слово марксизма-ленинизма.

Не дождавшись самокритики со стороны «партийных друзей» Переверзева, мы вынуждены квалифицировать их поведение сами. Его нельзя охарактеризовать иначе как позицию правого оппортунизма в области литературно-политической и теоретической. Перечисленные товарищи не только поддерживали меньшевистскую теорию, — они были ее рупором и воинствующими проводниками, по мере сил и способностей насаждали ее в высшей школе, руководящих марксистско-ленинских учреждениях и периодической марксистской печати («Революция и культура», «Печать и революция», «Литературная энциклопедия» и др.).

Если бы беспаловцы признали и квалифицировали свои ошибки сами, они могли бы загладить свою вину перед партией и марксистской теорией борьбой за разоблачение насаждавшихся ими ранее ревизионистских идей. Однако, они избрали иную тактику и, признавши концепцию Переверзева меньшевистской, продолжают ее пропагандировать в

своих книгах, изданных после дискуссии и выдаваемых их авторами за верх марксистской ортодоксии (см. предисловие в книге Беспалова «Проблемы литературной науки» и Зонина «Образы и действительность»).

Подобное же поведение нельзя квалифицировать иначе как двурушничество, и для того, чтобы это доказать, я позволю себе остановиться на анализе книг «партийных друзей» Переверзева, выпущенных ими уже после признания своего учителя меньшевиком.

ПРОТИВНИК В РОЛИ ПРЕДАННЕЙШЕГО УЧЕНИКА

Как это ни странно, но при разборе продукции прямых учеников Переверзева из числа его «партийных друзей» приходишь к неопровержимому выводу, что нет в их числе ни одного, который бы имел такое право называться учеником Переверзева, как оппонент и противник его Камегулов. Дело в том, что если отбросить в сторону таких несомненных механистов и прямых последователей Переверзева по этой линии, как У. Фохт, В. Совсун, В. Кин или А. Запровская, то окажется, как мы убедимся дальше, что даже начальники переверзевского штаба в лице И. Беспалова и А. Зонина далеко не являются такими «последовательными» механистами, как именно А. Камегулов, один из первых критиков Переверзева.

Исходя из кантианских установок Плеханова, Переверзев постоянно твердит, что искусство есть, собственно говоря, игра.

«Воспроизведенная система поведения, — пишет он в ответе Тимофееву,[1] — или, что то же самое, воспроизведенный характер — это и есть образ. Нельзя воспроизводить поведение, нельзя играть, не давая образа». «Искусство-игра и искусство-образ, в сущности, — адэкватные формулы. . .»

Легко понять, что, отождествляя искусство с игрой, Переверзев понимает под искусством тождественное самовоспроизведение «социального характера».

Развивая в полном согласии с учением Переверзева это положение, Поспелов приходит к своему определению стиля, как к наиболее тождественному воспроизведению «социального характера» в искусстве («канонизация строя социально-групповых переживаний»).

---

[1] «Литература и марксизм», кн. II, 1929 г., стр. 8.

Наиболее бросающимся в глаза во всех этих высказываниях моментом является замазывание того, что искусство является не игрой, а идеологией, сознанием, направленным на действительность с целью ее *изменения*.

Ан. Камегулов говорит, правда, в своей книге об Успенском и об идеологических функциях искусства о том, что последнее «активно участвует в ее (жизни. — *С. М.*) постройке», но еще более резко он подчеркивает другую сторону сознания — *познавательную* и в конечном счете все дело сводит к ней, толкуя ее как *пассивно-познавательную*.

«Искусство, — пишет Камегулов, — есть активный общественный процесс, посредством которого человек как бы *тренируется* для социально-практической деятельности, *познает* жизнь и активно участвует в ее постройке».[1]

Логика этих высказываний такова: человек, познавая посредством искусства жизнь, *тренирует* себя для дальнейшей общественной деятельности. Это основное положение Плеханова-меньшевика об искусстве, как о пассивном воспроизведении действительности, это сведение искусства к игре, к простой тренировке для дальнейшей деятельности, целиком противоречит ленинскому пониманию партийности искусства. Направленное в целях изменения действительности (классовая деятельность) сознание познает действительность, ее *изменяя*. Процесс познания — процесс диалектический, и его движущим началом является классовая практика. Нельзя отделять производственную практику общественного человека от его *сознательной* деятельности. Это только по Переверзеву мистический производственный процесс, вне зависимости от сознательной деятельности людей, выбрасывает их готовыми идеологическими автоматами.

Определение искусства только как средства познания действительности приближает литературоведа к позициям Переверзева.

И как раз именно с этого начинает свою работу об Успенском А. Камегулов, неоднократно на протяжении книги возвращающийся к первоначальной своей формулировке искусства, как «*видения* чувственной действительности» или «чувственного *видения* мира».[2]

---

[1] *А. Камегулов*, «Стиль Глеба Успенского», стр. 6—7.

[2] Там же, стр. 9, 12, 13, 15 и т. д.

„АКТИВНОЕ БЫТИЕ“ И ПАССИВНЫЙ СУБЪЕКТ

Ограничиваясь словесными декларациями признания классовых *функций* искусства, как сознания, направленного в сторону изменения действительности, Камегулов превращает художника из идеолога в визионера, круг «видений» которого ограничен чисто переверзианскими рамками социального *«самопознания»*.

Приведу в виде предварительного примера одно из подобных лакмусовых, в смысле самообнаружения переверзианства, высказываний А. Камегулова.

> Художественный язык писателя классового общества, — пишет он, — в основном *всегда ограничен той социальной средой, речевые тенденции, интонации и словарь которой служат ему материалом* для воплощения художественных замыслов.[1]

Приведенное высказывание полностью соответствует переверзевскому сведению языка Гоголя к языку бытовой среды мелких помещиков.

Дальше я приведу ряд примеров из практики А. Камегулова, подтверждающих его несомненную близость к этим переверзевским позициям. Но до этого следует остановиться еще на одном общем положении Переверзева, свое согласие с которым в этом пункте подчеркивает и сам Камегулов, говоря, что Переверзев «правильно» предлагает рассматривать *бытие художественного произведения* не как объект созерцания, но как «активное бытие»[2] Я уже показал выше, как диалектическая формула о «единстве бытия и сознания» превращается в механистическое утверждение их *тождества,* вне понимания того, что единство противоположностей существует реально в форме одной из них, т. е. в данном случае в форме сознания, ибо литературное произведение есть в первую голову форма сознания, какую бы ерунду ни болтали об «активном бытии» переверзевцы.[3]

Заявляя, что В. Ф. Переверзев «правильно разрешил» противоречие бытия и сознания, Камегулов становится одной ногой на позиции его меньшевистской и механистической литературоведческой концепции, и дальнейший раз-

---

[1] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 9. Подчеркнуто мной. С. М.

[2] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 10. Подчеркнуто мной. *С. М.*

[3] См. ленинскую формулировку единого, «расщепляемого» на противоположности, в статье о диалектике в т. XII «Лен. сб.»

бор его работы покажет, что этот факт не случайная оплошность нашего «ортодокса».

Положение Переверзева об «активном бытии» сводится к утверждению того, что в искусстве бытие тождественно воспроизводит себя в форме «социального характера». Посмотрим, как подходит к этому положению Камегулов.

Круг вещей, — говорит он, — основная форма видения (sic!!—С. *М.)* мира, очерчена для писателя положением его класса в общественной системе производства.[1]

НЕ ИДЕОЛОГИЯ КЛАССА, А ИДЕОЛОГИЯ ОБРАЗОВ

В своих предыдущих работах я специально останавливался на том, что именно отрицание определяющей роли идей в оценке художественного произведения как явления идеологии приводит переверзевцев к их идеалистическим, в конечном счете, позициям.

Вслед за Переверзевым Камегулов ищет не идею произведения, а идеологию образов, самую идеологию делая психологической чертой характера.

Но не все образы чиновников, — говорит он об очерках Успенского, — бедны идеологической характеристикой. Если социально-идеологическую наполненность чиновничьих образов (?! — *С. М.)* старшего поколения можно определить как тусклое, безыдейное прозябание в обжорных интересах, то идеологические характеры детей (sic! — *С. М.)* часто рисуются писателем по-другому.[2]

Камегулов очень подробно рассуждает о «схеме сюжета» (стр. 25), об «образах-характерах» «Разоренья» (стр. 27) и совершенно по-переверзевски ищет «причины, обусловившие *идеологическое содержание характеров»* (стр. 29, подчеркнуто мной. *С. М.) непосредственно* в объективной действительности, забывая о такой «маленькой» вещи, как идеология самого Успенского.

Переводя на современный язык, можно сказать, что Камегулов постоянно забывает от том, что искусство не просто пассивно изображает действительность, но предъявляет ей «встречный промплан» классового ее *изменения*. Вот эту-то классовую *оценку* изображаемых художником явлений общественного бытия и обходит тщательно Камегулов, превращая художника в простого отобразителя и в «лучшем»

---

[1] *А. Камегулов*, «Стиль Глеба Успенского», стр. 15.
[2] *А. Камегулов*. Там же, стр. 21. Подчеркнуто мной. *С. М.*

случае отождествляя его идеологию с «идеологией» некоторых его персонажей.

Вместо системы «идей», т. е. мировоззрения писателя, Камегулов, вслед за Переверзевым, видит содержание произведения в *материале его изображения*.

Итак, — пишет Камегулов, — в описываемый период растеряевский (т. е. провинциальный, мещанский) *быт* во всевозможных формах проявления *служит основным содержанием* произведений Успенского. *Показать* ужасное действие этого быта, его губительное влияние на обитателей растеряевской округи, — *основная задача писателя.*[1]

От человека, с пеной у рта обвинявшего «напостовцев» в эмпиризме, немного странно слышать подобную проповедь эмпиризма. Оказывается, что «основной задачей писателя» является «показать» «действие быта», а содержанием его произведений и является этот самый «быт». Надо обладать переверзевской трактовкой «активного бытия», чтобы со спокойным сердцем пропагандировать эту откровеннейшую *безыдейность* под видом ортодоксального марксизма.

На протяжении многих страниц камегуловского «анализа» мы узнаем, что основным («стержневым», очевидно?! *С. М.)* образом Успенского является «образ потерявшего себя в новые времена разночинца», что «образ этот всегда дается через быт и *бытом определяется»,* что «однообразные условия существования растеряевщины дают однообразные мотивировки и однообразные характеры».[2]

Если механистическая логика переверзевцев верна, то в первую очередь направлена против них самих, ибо только чрезвычайной «узостью и бедностью» их «социально-психологических комплексов» (Поспелов) можно объяснить такое «однообразие» их «мотивировок». У Поспелова порожденные «бедным» по содержанию бытием «узкие социально-психологические комплексы» персонажей Гоголя «диктуют» «узость и бедность» своего «наполнения» и «развертывания»,[3] у Зонина «узость и нищета психической жизни предрешает» «характер высказываний Акима»,[4] у Камегулова «однообразные условия существования растеряевщины дают однообразные мотивировки и однообразные характеры».

[1] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 33. Подчеркнуто мной.

[2] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 31. Подчеркнуто мной. *С. М.*

[3] Литературоведение, стр. 91.

[4] *А. Зонин,* «Образы и действительность», стр. 120.

Естественно, что с подобными установками Камегулов приходит и к поспеловской трактовке «образа повествователя» («наиболее типичным растеряевцем является сам лентяй, от которого ведется рассказ»)[1] и к полному отождествлению автора с его «автогенными» образами *(«в публицистике Глеб Успенский лишь доводил до логического конца идеи, которые высказывали его герои»).*[2]

Говоря после этого, что «их (образов — *С. М.*) социально-идеологическое и психологическое *поведение* (!! — *С. М.*) сложилось под влиянием одной общественной среды»,[3] что *«автор сам становится образом»,*[4] — Камегулов «сам становится» ортодоксальным переверзевцем и лишь повторяет дословно переверзевскую трактовку образа как «воспроизведенной системы поведения», как воспроизведенного «социального характера».

„ОРГАНИЗУЮЩИЙ ОБРАЗ" ПО ПОСПЕЛОВУ

Исходя из общих переверзевских посылок, Камегулов воспринял и систему переверзианской поэтики.

«Часто, — пишет он в одном месте, — центральным героем (т. е. героем, организующим сюжет) становится теперь условный автор. . .»[5] (образ «повествователя, как сказал бы Поспелов).

Повторяет Камегулов полностью и теорию недоступных объективному познанию автора «гетерогенных образов» антагонистических классов, представляющих лишь «проекцию» «автогенного и социально-психологического комплекса» на чужеродную социальную действительность. Также по-переверзевски превращаются Камегуловым образы представителей классов неантагонистических в том случае, если это не образы представителей своего класса, в «служебные» образы, задача которых сводится исключительно к раскрытию все того же «автогенного» «социального характера».

Говоря о новом этапе в творчестве Глеба Успенского, Камегулов пишет:

«Он вводит в круг своей художественной тематики образы новых капиталистов и крестьян. Анализ этих образов

---

[1] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 31.
[2] Там же, стр. 37. Подчеркнуто мной *С. М.*
[3] Там же, стр. 34. Подчеркнуто мной. *С. М.*
[4] Там же, стр. 41. Подчеркнуто мной. *С. М.*
[5] Там же, стр. 39. Подчеркнуто мной. *С. М.*

однако, показывает, что они взяты не самоцельно (sic!! — *С. М.)*, а привлечены *лишь для лучшей иллюстрации морального и нравственного состояния разночинной интеллигенции* в связи с развивающимся капитализмом.

Идеологическое и психологическое содержание этих персонажей совершенно не интересует Успенского.[1]

Такое же отрицание возможности объективного познания инoклассовой действительности заключено и в высказываниях Камегулова о дворянских писателях.

Дворянин, — пишет он, — желавший понять крестьянина, *не мог переделать меры своего сознания, своих форм видения мира.* Данная («богом»?! раз и навсегда?! — *С. М.*) ему мера видения объективной действительности неизбежно отражалась в создаваемых им художественных образах... *в которых был не народ, а абстрактные жалостливое понятие о народе.*[2]

Рецепт извлечения социологического эквивалента, по Камегулову, чрезвычайно прост. Поскольку существует «группа писателей, *выбирающая сродный своей сословной* (речь идет о диференциации писателей-народников — *С. М.) психологии материал, облюбовавшая определенные художественные образы*», следует отсеять «служебные» и «гетерогенные» образы, «привлеченные лишь для лучшей иллюстрации морального и нравственного состояния» (стр. 40) «центрального героя», объявить этого героя «автором» и автора «героем», а затем определять «идеологическое и психологическое содержание их характеров», которое «всегда дается через быт и бытом определяется» (стр. 31).

ПРОКЛЯТИЕ БЫТА ИЛИ „РОКОВОЙ КРУГ"

Что «бытие» подменяется у Камегулова именно «бытом», показывает и следующая его формулировка.

... Первооснова художественных представлений лежит у Гл. Успенского в *растеряевском бытии* (?! — *С. М.), которое во многом предрешило его поэтическую судьбу, сделав певцом* (!!— *С. М.*) *человека среднего образа мыслей Вас. Черемухина* (sic! — *С. М.*).

И дальше:

Указывая на сходство Гл. Успенского, например с *Тяпушкиным, я хочу только сказать, что в образе Тяпушкина, Черемухина, Лиссабонского и др.* «растеряевских» интеллигентов с *наибольшей социальной*

---

[1] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 40. Подчеркнуто мной. *С. М.*

[2] Там же, стр. 51. Подчеркнуто мной. *С. М.*

разносторонностью отразилась общественная психология среды, к которой по своей социальной практике принадлежал Успенский, выразителем и продуктом которой он явился».

Художественный образ разночинца-интеллигента описанной формации пронизывает все творчество писателя. [1]

«Найти в изображенном изобразителя» и объявить его инобытием «активного бытия», «предрешающего поэтическую судьбу» писателя, в качестве напетой этим «активным бытием» пластинки, такова логика переверзианской методологии, которая «предрешила» далеко не поэтическую судьбу самого Камегулова в качестве фонографического валика столь хулимого им меньшевика. Что же поделать, если «человек», как вслед за Переверзевым повторяет Камегулов (стр. 81), «не волен выпрыгнуть из своих общественных отношений».

Всем памятно известное высказывание Переверзева о композиции «Мертвых душ», «самым своим строем» передающей «бытие» разобщенных мелкопоместных хозяйств, и о «стиле» повестей Достоевского, передающих также «самым своим строем» «задыхающуюся, прерывистую речь подвального обитателя». Таково нехитрое применение тезиса об «активном бытии», адэкватно выражающем себя в поэтическом произведении вплоть до последней буквы.

Применяет это положение так же механистически и А. Камегулов:

В сюжетном движении произведения главную роль играет провинциальный чиновничий быт, который является активно-действующей силой. . . герой произведения всегда сам — линия быта, отражающий какую-то из его сторон. *А так как сторон* быта великое множество, то при методе статистического одновременного описания *совершенно необходимо* (sic!! — *С. М.*) *прибегать исключительно к пространственному расположению материала, давая ряд почти между собой несвязанных сцен.* [2]

«Быт», который определяет и «социальные характеры» произведения, и его «сюжетное движение», и «пространственное расположение материала», причем определяет их «совершенно необходимо», «исключительно» и т. д. — да сам Переверзев не употребляет таких категорических утверждений, хотя они и совпадают с логикой его механистических позиций.

---

[1] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 56. Подчеркнуто мной. — *С. М.*

[2] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 67. Подчеркнуто мной. — *С. М.*

ПОЭТИКА ПО ПЕРЕВЕРЗЕВСКОЙ ШПАРГАЛКЕ ИЛИ КАК КАМЕГУЛОВ „ПРЕОДОЛЕВАЛ“ ПЕРЕВЕРЗЕВА

Действительные отношения Успенского, — пишет Камегулов, — были отношениями провинциальной чиновничьей среды. Нет ничего необъяснимого в том, что они *закономерно обусловили и приемы* его *творчества и тот калейдоскоп многочисленных сцен, о котором мы говорили.*[1]

Этому механистическому выведению литературы непосредственно из «быта» можно противопоставить, несколько выправив, слова самого же Камегулова, направленные по адресу Переверзева в статье, написанной уже после дискуссии:

... во-первых, на развитие любой идеологии оказывает большое влияние классовая борьба, которую В. Ф. Переверзев упускает из виду. Во-вторых, это воздействие в классовом обществе — большей частью не прямое, а косвенное, через политику, философию, право и т. п.[2]

Что может изобразить писатель, — говорит А. Камегулов, — воспроизводя общественные отношения среды, в которой духовное убожество прямо пропорционально материальному...[3]

Что может понять исследователь, — ответим мы Камегулову, — воспроизводя переверзевские «объяснения» гоголевского стиля, объяснения, «духовное» убожество которых прямо пропорционально убожеству их методологии.

Любопытно отметить по этому поводу, как вульгарный материалист прямо подает руку формалисту, что я неоднократно показывал в своей работе о переверзевской школе. Не избежал этой логики и Камегулов, который «в общем принимает» «мысль Якубинского», «подтверждающую лингвистические наблюдения Щербы и В. В. Виноградова».[4] Означенная «мысль» сводится к утверждению того, что «Диалог, являясь явлением «культуры», в то же время в большей мере (?! — *С. М.*) — явление *природы*, чем монолог».[5]

---

[1] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 80. Подчеркнуто мной. — *С. М.*

[2] «На литературном фронте», стр. 21. Интересно отметить в этой цитате, что, по Камегулову, на развитие идеологии классовая борьба только «оказывает большое влияние», из чего «следует представление о классовой борьбе как об *одном из факторов* (хотя бы и «большой») формирования идеологии. Каковы же *другие* «факторы», т. Камегулов?!

[3] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 81.

[4] Речь идет о формалистской работе Якубинского 1923 г. («Русская речь», I).

[5] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 82.

Приняв это утверждение, Камегулову остается только подвести под него свою вульгарно-материалистическую базу, объявив по этому поводу, что «малокультурной была и среда, которую они (народники — *С. М.*) изображали и для которой писали».[1]

Все «объяснение» художественного языка Успенского построено Камегуловым в плане такого же прямого выведения этого языка из «быта», которое всем переверзевцам заменяет непонятное для них бытие.

«В тусклом, трудно поддающемся перестройке чиновничьем быту, где целыми вечерами могли спорить о местопребывании души, мысль с трудом находила себе дорогу»,[2] пишет Камегулов, говоря «о недостатках его (Успенского — *С. М.)* языкового мышления».

«Славянизмы», встречающиеся в языке Глеба Успенского, объясняются, по мнению Камегулова, тем, что «славянизмы всякого рода несомненно были в языке чиновничьей среды».[3]

Чрезвычайно характеризует стиль Глеба Успенского, как позднего, так и раннего, *любовь к канцелярским оборотам речи — этому прямому наследию породившей его среды.*[4]

И в этой части Камегулов пользуется услугами таких представителей идеалистического языковедения, как А. Пешковский, без всякой попытки критически осмыслить привлекаемый от них материал.

Прямо сопоставляет с бытовой средой Камегулов и такие мельчайшие составные части стиля как «сравнения», эпитет и метафору.

По сравнениям, — пишет Камегулов, — легче всего узнать общественную среду, которая давала содержание образам, вскрыть психологическую и идеологическую форму авторского видения мира... Круг грубых (?! — *С. М.)* вещей домашнего обихода плюс распространенные явления внешнего мира — вот и весь запас впечатлений, из которого писатель черпал свои сравнения.[5]

Так Переверзев искал объяснения сравнениям Гоголя в бытовой среде мелкого поместья, так Гербстман из старого «На посту» видел только ремесленные сравнения у Казина.

Полным и даже не соответствием, а прямым плагиатом из Переверзева является «объяснение» Камегуловым «комичес-

---

[1] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 82.
[2] Там же, стр. 84.
[3] Там же, стр. 85.
[4] Там же, стр. 85. Подчеркнуто мной. — *С. М.*
[5] Там же, стр. 89.

кого» в произведениях Успенского: «социальная обусловленность комического — все то же умственное убожество обывателей растеряевской улицы».

«Комическое» у Камегулова, вслед за Переверзевым, становится свойством самой среды, изображаемой автором.

Первооснова (комического. — *С. М.)* — пишет он, — *лежит в социально-экономическом бытии Успенского,* в той чиновничьей провинциальной среде, где складывались такие характеры; *где он каждодневно наталкивался на образцы логической путаницы мысли,* которые так блестяще потом воспроизвел в художественных образах.[1]

Нет ничего странного, что после подобных «откровений», чувствуя некоторое неудобство перед таким явным плагиатом у Переверзева, Камегулов «ловко» заметает следы, свалив по своей переверзианской традиции все на тот же всемогущий «быт».

Нам кажется, — говорит он в примечании на 97 стр., — что влияние Н. В. Гоголя (на Успенского. — *С. М.*), именно потому было возможно, что «мелкопоместное дворянство» имело достаточно много сходных бытовых черт с зажиточной городской массой мещанства.[2]

Становясь на методологические позиции Камегулова, мы можем указать, что чрезвычайное сходство нашего почтенного исследователя с унтер-офицерской вдовой из «Ревизора», которая «сама себя выпорола», объясняется не столько «влиянием» последней на исследователя, сколько «сходством их бытовых черт».

ИДЕЯ КАК . . . БЕЗЫДЕЙНОСТЬ

Естественно, что при подобном сходстве деталей в высказываниях Переверзева и Камегулова следует искать и гносеологическую основу этого сходства. В значительной степени она уже была показана выше. Основным здесь является механистическое положение об «активном бытии», находящем свое адэкватное и непосредственное выражение в художественном произведении.

Когда объектом и субъектом художественного произведения, — по словам Камегулова, — является социальная группа, породившая писателя, тогда объектом не могут быть ни другие классы ни сам материальный мир, ибо приведенной формулой объект сводится к самому субъекту,

[1] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 92. Подчеркнуто мной. — *С. М.*

[2] Там же, стр. 97.

в «изображенном» видится только «изобразитель», а объективный мир растворяется в ощущениях субъекта.

В плане философском это означает становление на позиции дуализма, когда объективный мир признается существующим как «вещь в себе», когда его свойствами объясняется движение субъекта, но сам этот мир объявляется непознаваемым, сводится к проекции самого субъекта, реально существует только как его ощущение. В плане же литературоведческом это означает взгляд на искусство как на воспроизведение образа-характера и объяснения его свойств непосредственно производственным процессом.

Камегулов, например, считает «заблуждением» говорить об идеологических влияниях, испытанных Успенским при поездке за границу, и находит, что понять «историю умственного развития Гл. Успенского (художественной идеологии тоже) можно, обратясь непосредственно «к исследованию той материальной действительности, развитие которой своеобразно отражалось на идеологии разночинной интеллигенции». [1]

Я уже показал, что растворение автора в «образе-характере», подмена анализа его идей «идеями образов» означает становление на объективистские позиции и непонимание значения идей произведения, как явления классовой идеологии в специфической форме художественных образов.

Вот доказательство этому на примере А. Камегулова:

Общей идеей в «Разореньи», — пишет он, — является *показ провинциально-чиновничьего быта* после так называемых освободительных реформ. [2]

... идея «крестьянских» произведений (Успенского. — *С. М.*) заключается *во всестороннем* и подробном *изучении тогдашней русской деревни*», [3] замечает Камегулов в другом месте.

В этот очерк, как и в десятки до него написанных, — говорит Камегулов в третьем месте, — Гл. Успенский вложил идею об (?! — *С. М.*) искалеченной капитализмом человеческой личности... [4]

Успенский видит, — пишет Камегулов в четвертом месте, — точно загипнотизированный, одну точку — интеллигентного неплательщика. Центр своего творческого внимания направляет на *показ* этой трагической фигуры. [5]

Приведенных выдержек достаточно для отчетливого представления о том, как в понимании Камегулова идея

---

[1] *А. Камегулов*, «Стиль Глеба Успенского», стр 113.
[2] Там же, стр. 115. Подчеркнуто мной. *С. М.*
[3] Там же, стр. 115. Подчеркнуто мной. *С. М.*
[4] Там же, стр. 135.
[5] Там же, стр. 138. Подчеркнуто мной. *С. М.*

произведения подменяется *простым показом* быта, а сам этот быт и объявляется идеей произведения.

Иногда Камегулов говорит, что «на основании пристальных наблюдений» «он (Успенский. — *С. М.)* пришел к какому-то (??! — *С. М.)* заключению» (стр. 115), иногда он пишет о том, что «Успенский как бы торопится убедить собеседника». В одном же месте прямо заявляет:

Что касается произведений о разночинных интеллигентах, то они были глубоко *публицистическими и агитационными,* ярко выражая настроения середняцких (?!—*С. М.)* разночинных масс. Гл. Успенский весь свой талант бросил им на службу. *Убеждая и обличая изменивших,* он поднимал и ободрял упавших духом.

К какому же именно «заключению» пришел Успенский, в чем он «торопится убедить» собеседника, *за что* «агитируют» его «глубоко публицистические» произведения, — все это остается тайной А. Камегулова, которую он тщательно скрывает от своего читателя.

Разговоров о «показе» сколько угодно, а вот идей, которые скрываются за этим «показом», Камегулов не видит и даже пытается убедить, что сам этот показ и является собственно «основной идеей» (? !) Успенского.

Творчество Глеба Успенского, — пишет он, — было ведь революционно не философией факта (представляющей какую-то смесь утопического социализма и анархии), а *самим фактом, показывающим отвратительную сторону первоначального капиталистического накопления.* [1]

Только переверзевец неспособен понять, что немыслимо показать «отвратительную сторону первоначального капиталистического накопления» вне ее определенной классовой оценки изображающим. Определить же эту оценку немыслимо вне анализа тех идей, которые «доказывает с помощью образов» *художник в своих произведениях.* А этого-то анализа и нет как раз у Камегулова.

ПАРТИЙНАЯ ФУНКЦИЯ ПЕРЕВЕРЗЕВЩИНЫ В РАБОТАХ А. КАМЕГУЛОВА

Известно, что для Переверзева его литературоведческая концепция была лишь средством протаскивания в литературу меньшевистской идеологии, ставшей идеологией контрреволюционной буржуазии. Меньшевистская клевета на про-

---

[1] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 13. Подчеркнуто мной. — *С. М.*

летарскую революцию, развертывание объективистских позиций, обнаруживающих замаскированную партийность меньшевистского идеолога, раскрывается в ряде прямых политических высказываний Переверзева, в его прямой борьбе против линии партии в литературе, в буржуазной клевете его на Максима Горького и других пролетарских писателей, в меньшевистском противопоставлении им искусства и политики, в попытке спровоцировать пролетарскую литературу на отказ от коммунистического перевоспитания мелкобуржуазных попутчиков и т. д. и т. п.

Разбираемая книга А. Камегулова так же наглядно показывает сквозь теоретические и политические позиции единство их партийной направленности. В первой редакции настоящей статьи, опубликованной в № 9—10 журнала «Марксистско-ленинское искусствознание» (1931 г.), я не дал оценки политических позиций А. Камегулова до конца и упустил главнейшее в его политических установках.

Дело в том, что меньшевистский характер переверзианских объективистских литературоведческих позиций Камегулова нашел прямое политическое выражение в тех прямых меньшевистских антиленинских оценках, которые дает А. Камегулов разбираемому им Г. Успенскому как народнику и народничеству как политическому движению в целом. Рассматривая меньшевистски творчество Глеба Успенского не в качестве активной действующей идеологии, замазывая политическую, партийную функцию его творчества в конкретно исторической расстановке классовых сил и политической борьбы в России конца прошлого столетия, Камегулов совершенно по-переверзевски определяет творчество Глеба Успенского в качестве пассивного отражения классового «бытия» метафизически изолированной в себе самой социальной группы, к которой Камегулов причисляет Успенского.

Отметив этот факт, характерный для меньшевистской методологии переверзевщины вообще и переверзианских меньшевистских позиций А. Камегулова в частности, я не вскрыл однако в первой редакции этой своей статьи меньшевистского же характера самой социальной оценки, данной А. Камегуловым Г. Успенскому как народнику и самому народничеству в целом.

Известно, что по вопросу о политической оценке народничества Ленин, раскрывая политическое содержание народничества и разоблачая его реакционные стороны, всегда

боролся вместе с тем против меньшевистской либерально-буржуазной оценки народничества, данной Плехановым, Потресовым и другими меньшевиками, смыкавшимися в этой своей оценке народничества с буржуазными либералами.

Разбирая оценку народничества, данную в работах П. Струве, Ленин вскрывает за внешним объективизмом Струве партийные позиции либерального буржуа, борющегося за ускорение капиталистического развития в России 90-х гг. с точки зрения интересов либеральной буржуазии, находящей между прочим выражение в «огульном отрицании» экономической политики народничества, «а не одной только ее половины».

Вскрывая двойственность социальной политики народничества, вытекающей из двойственной природы «мелкого производителя, мелкого буржуа», — Ленин вместе с тем совершенно недвусмысленно заявляет, что «отвергать всю народническую программу целиком без разбора было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны». [1]

Народники, — пишет Ленин, — неизмеримо правильнее (чем идеологи либеральной буржуазии, *С. М.*) понимают и представляют в этом отношении интересы мелких производителей, и марксисты должны, отвергнув все реакционные черты их программы, не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше. [2]

Вскрывая и разоблачая реакционные стороны народничества, отличая «крестьянских социалистов» Чернышевского и др. от позднего народничества, вырождавшегося в «пошлый мещанский радикализм», Ленин вместе с тем призывал партию не забывать о прогрессивной стороне этого народничества, отражавшего борьбу за интересы «всего класса мелких производителей», за интересы крестьянской революции.

Оценивая вслед за Струве народничество и его программу «целиком, без разбора», как программу полностью и до конца реакционную, меньшевики тем самым противопоставляли пролетариат и крестьянство как силы антагонистические, т. е. разоружали пролетариат в его политической борьбе против помещиков и буржуазии, выступая тем самым

---

[1] *Ленин*, т. I, изд. II, стр. 359.
[2] Там же, стр. 360.

с партийных позиций либеральной буржуазии, предлагавшей правительству устами П. Струве поддерживать в крестьянстве лишь его «жизнеспособные элементы» «путем создания из них экономически крепкого крестьянства», т. е. кулачества.

Проводя свою точку зрения на народничество как силу целиком реакционную, меньшевики прежде всего пытались доказать, что народничество есть движение разночинной интеллигенции, защищающей свои самостоятельные узко групповые интересы.

Борясь с меньшевистской точкой зрения на народничество, Ленин писал, что «философствование это — только внешнее облачение народничества. Содержание же его — представительство интересов с точки зрения русского мелкого производителя, мелкого буржуа». [1]

Марксисты, — писал Ленин, — не только не «обрывают демократической нити» или течения, как клеплет на них г. В. В. — напротив, они хотят развития и усиления этого течения, хотят приближения его к жизни, хотят поднять ту «нить», которую выпускает из рук «общество» и «интеллигенция». [2]

Борясь с описанной выше точкой зрения против народничества, меньшевики продавали интересы «мелких производителей» во имя интересов либеральной буржуазии, они самый пролетариат, этот класс «беспокойных производителей» (Ленин), пытались сделать орудием для достижения интересов либеральной буржуазии, для проведения ее задач. Борясь с меньшевистской точкой зрения на народничество, равно как и с реакционными сторонами самого народничества, Ленин отмечал, что народники «неизмеримо правильнее понимают и представляют в этом отношении интересы мелких производителей», указывая однако, «по какой наклонной плоскости катится современное народничество в болото оппортунизма». [3] Отмечая прогрессивные стороны народничества, Ленин еще в 1894 г. убедительно доказал, что только пролетариат и его партия, принявши из рук народничества его прогрессивные «нити», вели за собою крестьянство на борьбу против помещиков, капиталистов и кулаков, *сумеют* по-настоящему защитить интересы «мелких

---

[1] *Ленин,* т. I, стр. 359.
[2] *Ленин,* т. I, стр. 360.
[3] *Ленин,* т. I, стр. 361.

производителей», перевоспитать их в строителей социализма.

Таковы две точки зрения на народничество: точка зрения В. Ленина и точка зрения меньшевиков. Как мы могли убедиться, эти две точки зрения представляют интересы двух различных классов. На какой же из них в своей оценке народничества стоит А. Камегулов?

Не составляет большого труда убедиться, что не на позициях Ленина, а именно на позициях меньшевиков стоит в этом вопросе Камегулов. Что именно против Ленина и за Плеханова борется он в своей оценке народничества, так как с позиций Плеханова и Переверзева борется Камегулов против Ленина в вопросах литературной теории.

Отвечая на вопрос: где лежит то социально-экономическое бытие, которое давало содержание художественному сознанию писателя (Успенского), Камегулов идет по тому же пути, по которому шли меньшевики и «узкие объективисты» типа Струве. Он дает не анализ антагонистических классовых противоречий, как этого требовал Ленин, а анализ экономического процесса «вообще», проявляя худшие стороны меньшевистского объективизма.

Мы уже видели выше, что Ленин рассматривает народничество, как политическое представительство «всего класса мелких производителей» в период нарастания буржуазно-демократической революции в России конца XIX века. Вскрывая реакционные и прогрессивные стороны народничества и его оппортунистическое перерождение к 90-м гг., Ленин доказал, что только гегемония пролетариата в этой революции может обеспечить победу прогрессивных сторон и политических требований класса мелких производителей, с дальнейшим переводом его под гегемонией пролетариата на рельсы революции социалистической, на которую не было способно само народничество.

Определяя Гл. Успенского как писателя разночинной интеллигенции, Камегулов так определяет эту последнюю:

> Рождение разночинной интеллигенции тесно связано с так называемой освободительной реформой.
>
> Получивший возможность развиваться промышленный капитализм незамедлительно предъявил требования на интеллигентную рабочую силу. В большом количестве требовались техники, врачи, юристы, агрономы, землемеры, бухгалтера, статистики, журналисты.[1]

---

[1] *А. Камегулов*, «Стиль Глеба Успенского», стр. 46.

И дальше, на следующей странице:

В описываемое время эта мелкобуржуазная и буржуазная интеллигенция переживала мучительный период своего формирования и являлась, так сказать, классом в себе.

Итак, по Камегулову, не в процессе борьбы антагонистических классов рождается интеллигенция становящегося на позиции того или другого класса, вырастающая в его недрах, сливающаяся с ним и защищающая его интересы — по Камегулову, сама эта интеллигенция представляет особый «класс», имеющий свои собственные интересы и борющийся за них. В такой трактовке интеллигенция приобретает совершенно надклассовый характер и становится самостоятельным рычагом исторического процесса.

Не поглощенная капиталистическим производством, — пишет А. Камегулов, — следовательно не заинтересованная, не связанная экономическим родством с господствующими классами, свободная от духовных интересов предшествующей дворянской культуры, эта разночинная прослойка чувствовала себя каким-то новым Мессией, призванным завершить освобождение общества от пут социалистического произвола и буржуазного угнетения.[1]

Переписывая местами в своем определении народничества и разночинной интеллигенции Г. Плеханова, т. е. выступая, с антиленинской оценкой народничества, Камегулов приходит к надклассовой трактовке разночинной интеллигенции, утверждая, что за нею «тянулись», «попадали под влияние проповедуемых ею идей» и «передовое либеральное быстро обуржуазивающееся дворянство», и «передовые немногочисленные слои рабочих и буржуазии» (там же). Словом, в этом перечислении есть все вплоть до немногочисленных слоев рабочих и нет самого главного, — нет крестьянства, нет «класса мелких производителей», т. е. нет классовой базы народничества, на которую оно опиралось, интересы которй оно, по словам Ленина, «представляло». А поскольку выпала эта социальная база — разночинная интеллигенция в изображении Камегулова превращается в самостоятельный «класс», за которым «тянутся» и который представляет все «передовые» слои и классы русского общества.

Оговорка Камегулова по части того, что это представительство «иллюзорно» и что в дальнейшем «разночинная ин-

---

[1] *А. Камегулов*, «Стиль Глеба Успенского», стр. 48.

теллигенция начнет (только «начнет». *С. М.)* распределяться по классовым этажам социального зрения», [1] — эта оговорка не снимет того положения, что фактически Камегулов, борясь против Ленина за плехановские, меньшевистские оценки народничества, полностью разделяет эту «иллюзорную» (и на деле глубоко партийную меньшевистскую, антиленинскую) характеристику интеллигенции, как надклассовой, по существу, силы.

Не имея возможности, говоря о народничестве, вовсе обойти молчанием вопрос о крестьянстве, интересы которого народничество выражало и представляло, Камегулов не оставляет однако и здесь своей меньшевистской точки зрения, определяя крестьянство лишь в качестве социальной опоры для борьбы с самодержавием», борьбы, которую, по словам Камегулова, не могла вести «в одиночку» «революционизированная» разночинная интеллигенция.

Интересно показать, как эту свою меньшевистскую оценку народничества Камегулов соединяет непосредственно с меньшевистской литературоведческой концепцией Переверзева, обнаруживая тем самым наглядное партийное меньшевистское содержание. Я имею в виду уже приводившееся выше переверзианское отрицание Камегуловым самой возможности объективного познания и воспроизведения в художественной литературе психологии иных классов, кроме того, который непосредственно представляет писатель.

Так, констатируя, что Глеб Успенский «вводит в круг своей художественной тематики образы новых капиталистов и крестьян», Камегулов вместе с тем утверждает, что они, эти капиталисты и крестьяне, Успенским «взяты не «самоцельно», а привлечены лишь для лучшей иллюстрации морального и нравственного состояния разночинной интеллигенции. . .» Идеологическое и психологическое движение характеров этих персонажей (т. е. капиталистов и крестьян, *С. М.)* совершенно не интересует Успенского». [2]

Так раскрывается наглядно, что объективизм в литературоведении служит лишь средством для протаскивания объективизма в вопросах истории и политики, обнаруживая тем самым свое меньшевистское партийное содержание.

Не найдя никакой экономической и политической опоры в крестьянстве, — пишет Камегулов, — Глеб Успенский наиболее полно вы-

---

[1] *А. Камегулов,* «Стиль Глеба Успенского», стр. 48.
[2] *А. Камегулов,* там же, стр. 39—40.

разил трагическую обреченность этих слоев мелкобуржуазной интеллигенции.[1]

Ссылка на Ленина в указании, что эта интеллигенция была «на короткое время самой передовой частью русского общества», поскольку она «верила в крестьянскую революцию», ни в какой степени не делает взгляды Камегулова ленинскими, ибо Вл. И. никогда не утверждал, что народничество только опиралось в защите «своих» интересов на крестьянство.

Не с Лениным, а с Плехановым и Струве сходится в своих оценках народничества Камелугов. Ленинскому анализу реакционных и прогрессивных сторон народничества, как представительства и выразителя интересов «класса мелких производителей», ленинскому плану использования пролетариатом в целях сознательной революции прогрессивных, антикрепостнических устремлений этого класса Камелугов противопоставляет объективистское, струвистское определение народничества, как силы будто бы целиком реакционной.

Представьте себе, — пишет Камегулов, — мелкого буржуа, не понимающего и не могущего понять по самому своему положению закономерность растущего капитализма.[2]

Ленинской оценке и учету политической роли крестьянства в борьбе его под гегемонией пролетариата за революцию буржуазно-демократическую, перерастающую затем в социалистическую, — Камегулов противопоставляет струвистскую апологию капиталистического «процесса вообще», с замазыванием классовых противоречий и классовой борьбы, обостряемой развитием капиталистических противоречий.

Так игнорирование Ленина и апология меньшевистских сторон теоретических взглядов Плеханова приводят Камегулова в вопросах литературоведения на позиции откровенной переверзевщины, а в вопросах истории, как мы это видим в случае с оценкой народничества, на не менее откровенные меньшевистские позиции плехановско-потресовских установок.

А. Камелугов в своих последних выступлениях сам признал указанный факт и правильно квалифицировал его поли-

---

[1] *А. Камегулов*, «Стиль Глеба Успенского», стр. 152.
[2] Там же, стр. 152.

тически. Дальнейшее покажет, сумеет ли Камегулов, овладев ленинскими установками, встать на партийные, литературоведческие и литературно-политические позиции, разоблачив свою литературную деятельность первого периода, как явное отражение влияний враждебных пролетариату капиталистических элементов, бешено сопротивляющихся своему уничтожению в период развернутого социалитического наступления пролетариата.

ПЕРЕМЕНИТЕ КАВЫЧКИ

В предисловии к своей книге «Образы и действительность», написанном в январе 1930 года, А. Зонин пишет:

> Мера наших ошибок уже указана была в коллективной статье в «Правде», и *добавить* здесь *мне совершенно нечего*. (Подчеркнуто мной. — *С. М.)*
>
> На известном этапе я не видел ошибочности концепции Переверзева, не критиковал ее. Это было грубой ошибкой. И я это признал.
>
> Но кто думает, что анализ образов означает переверзианство, тот ровным счетом ничего не понял в проблемах марксистского литературоведения...[1]

Тов. Зонин защищает свои двурушнические позиции с помощью довольно неловкого приема. Где Зонин выкопал такого глупого антипереверзевца, который бы «думал», что переверзианство заключается во всякой попытке «анализа образов»?!

Речь идет о том, что сведение образа к социальному характеру и утверждение возможности для писателя изображения ничего иного, кроме своего социального характера, есть типичное переверзианство. Именно в пропаганде этой основы переверзианского учения обвиняли и Зонина, и Беспалова, и Кина и других более или менее ортодоксальных учеников Переверзева, составлявших ранее его школу, а теперь пытавшихся продолжать защиту его взглядов под маской официального отмежевания от учителя.

А. Зонин делает вид, что его обвиняют в полном отсутствии головы. Голова-то у него есть, но работает она зачастую переверзианскими категориями. Только это и утверждала антипереверзианская критика. И именно это осталось до сих пор неопровергнутым никем из перечисленных выше товарищей. Самокритика трудна, но еще труднее опровергнуть неопровержимое. Этим очевидно и объясняется

[1] *А. Зонин,* «Образы и действительность», стр. 10.

дипломатическое молчание наших стыдливых переверзианцев по части предъявленных им обвинений.

Надо отдать должное. А. Зонин оказался гораздо «смелее» своих собратьев. Он даже пытается перейти в контратаку.

Но «мой» метод, — пишет он, — не принадлежит мне. Он органически связан с основными положениями Плеханова и практически применяется мной в связи с работами т. Беспалова.[1]

В статье «Некоторые вопросы материалистической диалектики и литературоведение» Зонин, приведя ряд выдержек из Беспалова, методом которого он, по собственному признанию, работает (причем выдержек *явно переверзианских),* пишет:

Эти выписки не оставляют никакого сомнения, что методологическая задача разработки марксистской литературной науки начинает разрешаться в правильном направлении.[2]

И дальше (на следующей странице):

...Эта позиция (ортодоксально-марксистская. — *С. М.)* еще только намечается в отношении меньшевистской литературоведческой системы *В. Переверзева, которого по нашей вине критиковали до сих пор больше противники марксизма, чем ортодоксальные марксисты.* (Подчеркнуто мной. — *С. М.)*

Приведенная цитата может служить формулой двурушнических позиций Зонина: Переверзева критикуют противники марксизма, а «ортодоксальные» Зонины и Беспаловы «молчат» в своем диалектическом величии.

В соответствии с разобранной тактикой А. Зонин «не думает отходить» от переверзевского «принципа понимания образов» и «настойчиво рекомендует его всем, кто хочет плодотворно работать вма рксистской критике».[3]

В соответствии с этой же тактикой он применяет и свою систему синтактической пунктуации, при которой критики Переверзева превращаются в «критиков», а завзятые переверзевцы в диалектиков-материалистов без кавычек.[4]

После этого трудно удивляться той правке, которой подверглась книга Зонина в листах, когда имя Переверзева вычеркивалось автором из списков ортодоксального маркси-

---

[1] *А. Зонин,* «Образы и действительность», стр. 11.
[2] Там же, стр. 20.
[3] Там же, стр. 12.
[4] Там же, стр. 219.

зма и на его место всюду вставлялась фамилия В. М. Фриче. «Ловкость» рук, по мнению Зонина, — основной принцип диалектики. Но будет лучше, если он уберет краплеными карты и водворит кавычки на их постоянное место: критики Переверзева охотно уступают навязанные им А. Зониным кавычки для того, чтобы снабдить ими переверзианствующих «диалектиков-материалистов».

УЧЕНИК ВЫВЕРТЫВАЕТСЯ

Итак, А. Зонин уверяет, что он и его теплая компания не имеют никакого отношения к Переверзеву, за исключением того, что они его в свое время не критиковали.

Оставим непричастность к теориям Переверзева друзей Зонина на совести последнего и займемся его доказательствами собственного алиби. Доводы Зонина строятся в этой части по принципу «я не я, и лошадь не моя, а... Переверзева».

Довод первый:

Анализ образа у Переверзева, — пишет Зонин, — является анализом социального характера автора. Я раскрываю объективно познавательную функцию образа, как общественного отношения, показываю его соответствие и несоответствие действительности.[1]

Зонину, как ученику, надлежало бы знать, что «социальный характер автора» является для Переверзева одновременно и социальным характером класса, «системой поведения» классового индивидуума. Правда, при таком толковании вытравляется понимание литературы как идеологии, но этого понимания нет и у ортодоксального Зонина. Не отрицает также Переверзев и «объективно познавательной функции образа», сводя правда ее к функции *самопознания* классового человека. Но совершенно то же самое утверждает и Зонин, когда соглашается со следующей формулировкой Беспалова:

В нем (художественном сознании. — *С. М.*) нечто дано, как адэкватное отражение действительности, на определенном этапе, как субъект и объект данного стиля, как *самовоспроизведение* класса.[2]

Утверждая этот типичный переверзевский релятивизм, Зонин (так же, впрочем, как и Беспалов) пытается опереть-

---

[1] *А. Зонин*, «Образы и действительность», стр. 10.
[2] Там же, стр. 10.

ся на ленинскую (заимствованную у Маркса и Энгельса) теорию «отражения», по которой сознание есть не тождественный, а лишь приблизительный «слепок» — «копия» объективной действительности. Однако по Зонину и Беспалову свойства сознания сводятся лишь к способности классового «самовоспроизведения».

Известно что утверждение непознавамости других классов особенно четко сформулировано Переверзевым в его теории «переодевания». Попытка со стороны того или другого писателя изобразить в своем творчестве представителей иных классов приравнивается Переверзевым к попытке французского щеголя выдать себя за краснокожего с помощью натыканных в волосы перьев. «Ученики», однако, понаторевшие в деборинской диалектике, более осторожны, чем их прямолинейный учитель. Их ревизионизм более «тонок», и они его обставляют защитными ссылками на Ленина, Маркса и Плеханова.

Пойманный с поличным Зонин пытается даже изобразить возмущение.

Теперь находятся умники, — пишет он, — которые вопят, что я отрицаю наличие крестьянских образов у Толстого и стою на позиции переверзевской теории переодевания. Это чепуха...[1]

Однако по поводу того же Толстого Зонин пишет: «Из одной крайности *барство* бросается в другую, *надевает крестьянскую одежду*...»[2] и т. д.

Отрицать после приведенных слов свою принадлежность к «диалектикам»-«переодеванцам», — для этого надо иметь... скромность А. Зонина.

Широко известно, что именно приверженность Зонина к теории «переодевания» привела его к поискам помещика, забравшегося, по мнению Зонина, в шкуру Холстомера. Этот цыганский метод анализа естественно заставляет Зонина постоянно смотреть героям исследуемых им произведений прямо... в зубы.

Так в полном согласии со своим методом Зонин замечает:

Но, конечно, характеры толстовских крестьян не адэкватны действительным крестьянам. У Каратаева зубы хороши и целы, седых волос нет, и все лицо, несмотря на сеть мелких морщин, имеет выражение юности и невинности.[3]

---

[1] *А. Зонин*, «Образы и действительность», стр. 10.
[2] Там же, стр. 128. Подчеркнуто мной. *С. М.*
[3] Там же, стр. 111.

С выражением «юности и невинности», не замечая как это мало идет к его лицу старого и прожженного дельца, Зонин продолжает открещиваться от своего учителя даже тогда, когда это явно безнадежно.

Так, уверяет он нас, что в отличие от него учитель сводит все образы к одному «статичному образу-характеру». В конечном счете это утверждение справедливо. Но той «диалектики», которой хвастается А. Зонин, достаточно и у Переверзева.

«Диалектика» Зонина сводится к утверждению того, что постепенному распаду крупно-поместных слоев, отраженному в творчестве Толстого, соответствует превращение образов «довольных» в образы «натурального человека». Переверзев в статьях о Гончарове говорит о превращениях Обломовых в Штольцев, племянника Адуева в Адуева старшего через «отрицающих» и тех и других Райских, Волоховых и т. д., ища соответствия в этом движении образов превращению «патриархального буржуа» в промышленника «предпринимателя» под влиянием усиленного роста развивающихся капиталистических отношений.

Чем же перещеголял своего учителя А. Зонин по части историзма и диалектики? Ничем! Оба они стоят на схоластических позициях. Только Переверзев отправляется всюду от посылок вульгарного материализма, а Зонин пытается дополнить учителя-механиста «откровениями» деборинской школы, как мы это увидим дальше.

МЕНЬШЕВИСТВУЮЩИЙ ИДЕАЛИЗМ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Можно было бы привести большое количество примеров, показывающих, что А. Зонин во многом полностью стоит на механистических позициях В. Ф. Переверзева. В своей книге «Переверзевщина на практике» (ЗИФ, 1931 г.) я показал, что во многом стоит на этих механистических позициях и т. Беспалов. Все это несомненно правильно, однако, в указанной книге я совершил, кроме отмеченных выше, еще и ту ошибку, что рассматривал всех учеников Переверзева только в их единстве, не ставя вопроса об их различии. Последнее же настолько важно, что несмотря на некоторые общие механистические посылки, объединяющие Беспалова и Зонина с другими учениками Переверзева, заставляет тем не

менее изменить политическую квалификацию литературоведческих позиций первых двух. Если основная масса беспартийных, преимущественно, учеников Переверзева, представляет группу меньшевиствующих *механистов*, то группа Беспалова и Зонина при всех ее механистических высказываниях может быть с большим правом названа группой меньшевиствующих *идеалистов*.

Что дает право для подобного определения? Дело вовсе не ограничивается одним фактом философской учебы Беспалова и др. у философов деборинской школы. Дело здесь не только в том, что беспаловцы в философии были правоверными деборинцами, а Деборин и Луппол помогали защите Переверзева от критики рапповского руководства и поддерживали Беспалова в его нападении на литературно-политическую линию РАПП (вспомним статью Луппола против Авербаха, напечатанную в беспаловском журнале «Печать и революция»). Дело в том, что методологию меньшевиствующего идеализма беспаловцы вносили в свою литературноведческую работу, пронизали ее принципами все свои высказывания о литературе.

Не случайно беспаловское руководство литературного отделения ИККИ и литературной секции Комакадемии оказалось противопоставленным массовому пролетлитературному движению, руководству и литературно-политической линии РАПП. [1]

Установки меньшевиствующего идеализма сказались прежде всего в нарочитом отрыве теории, которую вырабатывали в замкнутой академической атмосфере беспаловцы, от конкретной практики пролетарского литературного движения. В течение ряда лет будущие «вожди» одной из вреднейших литературно-политических фракций, возникавших когда-либо внутри РАПП, строили свою литературоведче-

---

[1] Тот факт, что рапповское руководство защищало правильную в основном литературно-политическую и творческую линию от нападения беспаловской группы, представлявшей линию *меньшевиствующего идеализма*, не может конечно снять с представителей рапповского руководства ответственности за собственные их деборинские ошибки. Однако необходимо отличать отдельные ошибки рапповского руководства, которые оно совершило при правильной в основном линии от линии меньшевиствующего идеализма, представляемой в литературоведении *беспаловской группой*, установки которой разбираются в настоящей статье. К критике деборинских ошибок рапповского руководства мне придется вернуться в другой связи и в другом месте.

скую теорию в полном отрыве от практики пролетарской литературы. Вместо того, чтобы, как это подобает ленинской партийной теории, превратиться в руководство практикой пролетарской литературы, руководство по переводу основной массы попутчиков на рельсы пролетарской идеологии, — вместо всего этого теория беспаловцев выродилась в схоластическую, замкнутую в себе и неподвижную систему, решающую самые отвлеченные проблемы, систему бессодержательных абстракций и терминологических пустышек.

Характерно в плане сопоставления беспаловской литературоведческой деятельности с деборинскими установками в философии прежде всего *замазывание беспаловцами решающей роли Ленина в деле* выработки марксистско-ленинской методологии литературы. Так же как и деборинцы в философии, беспаловцы в литературоведении фактически игнорировали указания Ленина на *партийный* характер марксистской теории, на ее теснейшую связь с практикой пролетариата. Так же как и деборинцы, замалчивая значение Ленина для выработки воинствующей большевистской теории пролетариата, беспаловцы полностью опираются на Плеханова-меньшевика, продолжая и углубляя его ошибки в вопросах эстетики и литературы.

Учебу у В. Ф. Переверзева по этой линии обусловило именно некритическое отношение беспаловцев к ошибкам Плеханова, продолжением и логическим завершением которых является литературоведческая концепция Переверзева. Фейербахианские установки Плеханова, приводившие его к объективизму в вопросах искусства и литературы, сложились у «партийных друзей» Переверзева в законченную систему экономического фатализма и объективизма. Отрыв генезиса от функции, абстрагированный от классовых функций литературного явления его генетический анализ, привел беспаловцев к схоластической теории стиля как средства «*канонизации* строя социально-групповых переживаний» (Поспелов). Беспалов, например, считает возможным разорвать изучение стиля, т. е. диалектического процесса, на три самостоятельных акта: первый, который он и проделывает в своей статье «Стиль как закономерность», — имманентный анализ «*структуры*» стиля, второй — «раскрытие смены литературных стилей»; и третий — вскрытие «соотношения социального основания стиля и его социальной функции». [1] Характер-

[1] *И. Беспалов*, «Проблемы литературной науки», стр. 66.

но, что, декларировав две последние задачи, Беспалов так и не удосужился заняться ими, предпочитая формалистически нормативный «анализ» выдуманной им самим схоластической «структуры» стиля.

Даже Плеханов никогда не доходил до подобных высказываний, но его теория искусства как игра в пассивное воспроизведение социальной действительности в целях «тренировки» человека для его будущей деятельности, его определение искусства как воспроизведения «пережитых уже когда-то человеком чувств и мыслей», его разрыв литературоведческого анализа на два акта и т. п. — все это послужило отправными посылками, развитыми и доведенными до логических пределов в высказываниях Беспалова и Поспелова.

С ПЛЕХАНОВЫМ ПРОТИВ ЛЕНИНА

Именно апологетикой меньшевистских сторон Плеханова является, по существу, юбилейная статья Беспалова о Плеханове, где с самых первых строк Беспалов утверждает, что «литературная критика может быть действительно плодотворной, *только опираясь на работу Г. В. Плеханова*»,[1] забывая о том, что, имея в виду критику большевистскую, правильнее было бы говорить в таком контексте о *Ленине*, говоря же о Плеханове, обязательно поставить вопрос о критике Плеханова, меньшевистское мировоззрение которого нашло свое отражение и в его литературоведческих работах. Никакого вопроса о критике Плеханова с ленинских позиций и не мог, разумеется, поставить Беспалов, считающий, что методологию Плеханова отличает «*последовательное* проведение принципов диалектического материализма», связь «с революционным движением» и «принципиальная четкость в защите ортодоксального марксизма».[2]

Говорить так может лишь человек, сознательно обходящий совершенно недвусмысленно оценки Плеханова Лениным по всем трем пунктам беспаловской апологетики. Во-первых Плеханов был связан, особенно на последнем этапе своего развития, *с правым*, по существу буржуазным, крылом «революционного движения», во-вторых, как это блестяще

---

[1] *И. Беспалов*, «Проблемы литературной науки», стр. 87. Подчеркнуто мной.

[2] Там же, стр. 93.

доказал Ленин, Плеханову как раз *недоставало* «последовательного проведения принципов диалектического материализма», ибо, в отличие от Маркса, Энгельса и самого Ленина, Плеханов этой диалектикой не владел, и ясно, наконец, в третьих, что нельзя поэтому говорить о «принципиальной четкости» Плеханова в защите ортодоксального марксизма. Толкование диалектики как «суммы примеров», а не теории познания, вытекающий отсюда логизм Плеханова, черты фейербахианского материализма в его взглядах, идеалистическая, по существу, теория иероглифов, отрыв марксовой теории общества от марксистской постановки вопросов гносеологии, кантианский априоризм в вопросах эстетики, объектизм и т. п. — все это никак не дает права говорить о «принципиальной четкости» взглядов Плеханова, о последовательном проведении им «принципов диалектического материализма».

Неудивительно после этого, что, говоря о борьбе, «которую Плеханов вел против махистов, богостроителей и богоискателей», Беспалов, опять в прямом противоречии с Лениным, утверждает, что в этой своей борьбе «Плеханов *твердо и последовательно защищал ортодоксально-марксистскую позицию, не идя ни на какие компромиссы*».[1] А то, что, критикуя Богданова, Плеханов своей теорией иероглифов подсовывает своему противнику лучший козырь в пользу субъективного идеализма, так же, как и многие другие указания Ленина, Беспалов сознательно обходит, занимаясь здесь так же, как и в ряде других мест, апологетикой именно *меньшевистских* сторон во взглядах Плеханова.

Так, говоря уже о непосредственных проблемах литературы, Беспалов, игнорируя ленинскую постановку вопроса о *партийности* художественной литературы, скатывается к апологетике меньшевистского объективизма, защищая плехановское толкование искусства как пассивного воспроизведения «чувств и мыслей, *испытанных* уже когда-то человеком», солидаризуясь, фактически с Плехановым против Ленина в отрицании партийности искусства. Известно, например, что принципиальное расхождение Ленина с Плехановым в оценке политической роли искусства сказалось хотя бы и на отношении их к Горькому. Ленин, критикуя Горького за идеи богоискательства и т. д., нашедшие наиболее полное

---

[1] *И. Беспалов*, «Проблемы литературной науки». Подчеркнуто мной. — *С. М.*

выражение в «Исповеди», одобряет Горького как раз за его стремление превратить свое искусство в орудие защищаемых им идей, сделать его публицистическим, «проповедническим», партийным. Плеханов же порицает как раз Горького не столько за вредные для пролетариата идеи, проводимые художником в некоторых его произведениях, сколько за самую попытку Горького сделать поэтическое произведение партийным, насытить его боевым, публицистическим содержанием, сделать его непосредственным проводником своих политических идей. Правда, на первый взгляд может показаться, что спор идет о *форме* поэтического произведения, о том, что Плеханов защищает лишь преимущества *образного* способа выражения перед *логическим,* но что это не так подтверждает прямое *противопоставление* Плехановым художественного произведения и публицистики, фактическое отрицание за периодами революционных подъемов права на большое художественное произведение, «проповедующее» на своем языке те же боевые идеи, что и публицистика революционного класса.

Развивая эту мысль Плеханова, Беспалов формулирует ее так:

В период революционной борьбы публицистика борющегося революционного класса становится его наиболее целесообразной высшей формой поэзии.[1]

Несомненно, что именно из подобных взглядов вытекло и литфронтовское ликвидаторство по отношению к искусству реконструктивного периода, сведение его к агитке, к лозунгу, к публицистическому очерку и лефовской «литературе факта». Такое противопоставление «истинного искусства» публицистике и наоборот идет из вскрытого выше неумения Плеханова решить правильно вопрос о партийности искусства. Правда, Плеханов, в отличие от Переверзева, говорил об идеях произведения, а не об *«идеях образов»,* но именно у Плеханова можно найти в зародыше переверзевскую теорию образа и как раз в тех высказываниях, которые с особым сочувствием цитирует И. Беспалов в своей юбилейной статье.

Так, противопоставляя «художника» Тургенева «публицисту» Успенскому, Плеханов пишет:

Тургенев подходит к явлениям *как художник и только* (sic!! — *С. М.*) *как художник;* даже там, где он пишет на самые животрепещущие темы, *он интересуется больше эстетикой* (?!! — *С. М.),* чем *«во-*

[1] *И. Беспалов,* «Проблемы литературной науки», стр. 97.

просами». Успенский очень часто подходит к ним как публицист. Тургенев, за немногими исключениями, давал нам *художественные образы и только образы.* Успенский, рисуя образы, сопровождает их своими толкованиями». [1]

В приведенном высказывании Плеханов, прежде всего, исходит из априорных, метафизических, а по существу, кантианских представлений о художественности и красоте, как вечных и абсолютных категорий. Плеханов не понимает того, что образ не есть категория неподвижная, что самый характер образа меняется у различных художников. Если отправляться от плехановского требования художественности, выраженного во фразе, что художник рисует «образы и только образы», не «сопровождая их своими толкованиями», то придется выбросить из пределов художественного творчества добрую половину мировой литературы, как не удовлетворяющей этим требованиям. Достаточно сослаться, например, на Бальзака, который с явным сочувствием, выраженным даже зачастую в прямых авторских ремарках, рисует образы разоряющихся дворянских юношей, добродетельных купцов, священников и, наоборот, — с явной ненавистью образы спекулянтов-финансистов и др.

Мы видели в свое время, что, по существу, весь Переверзев вышел из этой плехановской фразы о художнике, который рисует «художественные образы и только образы». Объективизм, заложенный в этой фразе и вытекающий из механистических посылок Плеханова, был только развит и доведен Переверзевым до прямого логического конца.

В плане объективистского раскрытия идет и плехановское толкование роли критика, также апологетически подхваченное и раздутое Беспаловым в своей статье. Известное положение Плеханова о том, что критик должен не сочувствовать или негодовать по поводу идей, развиваемых художником, а изучать, вскрывая их социальное основание, Беспалов полностью принимает и повторяет, замечая, что «марксист никого не упрекает и не оскорбляет, а лишь указывает свое место всем фактам общественной жизни». [2] Эту же мысль Беспалов уточняет дальше в следующей фразе: «Марксисты не будут упрекать Пушкина, что он не сумел подняться выше некоторых прогрессивных тенденций своего класса и своей эпохи». [3]

---

[1] *И. Беспалов,* «Проблемы литературной науки», стр. 98. Подчеркнуто мной. *С. М.*

[2] Там же, стр. 90.

[3] Там же, стр. 101.

Но с этой точки зрения марксист, вместо беспощадного и бичующего разоблачения произведений Достоевского, как реакционных пасквилей на революционное движение народовольцев и утверждения реакционнейших, охранительных идей, должен, по мысли Беспалова, спокойно и равнодушно изучать и вскрывать «социальное основание» лежащих за ними «тенденций своего класса и своей эпохи». «Перед критиком-марксистом, — так пишет Беспалов, — важная и сложная задача — *вскрыть социальное основание в психологии действующих лиц*»[1] и т. д.

Беспалов не понимает, что критик большевик должен не только вскрыть «социальное основание» литературного произведения, но и оценить его как оружие определенных классовых сил в свете его партийных, социальных функций, как в исторический момент его рождения так и в условиях современной расстановки классовых сил и классовой борьбы. Развивая, апологизируя объективистские плехановские посылки, Беспалов приходит, по существу, к противопоставлению *пассивистских, меньшевистских* трактовок ленинским партийным взглядам на искусство.

Также скатывается к апологетике Плеханова и замазыванию его меньшевистских сторон т. Беспалов и в своей защите «пятичленной формулы» Плеханова от критики, пускай и неправильной со стороны «кое-кого из литературоведов». Отсутствие рядом с разоблачением той неправильной критики своей правильной и защита как абсолютно правильной формулы Плеханова, «упускающей» хотя бы такую «маленькую» подробность как классовая борьба, — показывает, куда приводит Беспалова его некритическое отношение к Плеханову и его возмутительное для марксиста игнорирование Ленина.

Этот же факт сказывается и в антиленинской меньшевистской оценке Беспалова М. Горького в качестве мелкобуржуазного радикала.

Вопреки советам Беспалова я считаю своим долгом критика-марксиста не только вскрыть социальное основание его взлядов, как реакционных и мелкобуржуазных, но и осудить их, указав на их классовую функцию, как вредную, объективно меньшевистскую, свидетельствующую о явном буржуазном влиянии на «партийных друзей» Переверзева.

---

[1] *И. Беспалов*, «Проблемы литературной науки», стр. 105. Подчеркнуто мной. *С. М.*

Необходимо указать, в заключение этой части, что обвинение в создании насквозь антимарксистской и антиленинской теории меньшевиствующего идеализма группой Беспалова на основе логического развития худших сторон Плеханова, меньшевика, еще не означает отрицание положительной роли Плеханова в создании основ марксистской эстетики и литературоведения. Плеханова надо брать в целом, исторически, вскрывая критически и его сильные и его слабые стороны. В данном случае мне было важно показать, что критика Переверзева и его партийных друзей будет правильной только тогда, когда она будет исходить, в основном, из ленинских, а не плехановских позиций, вскрывая систему Переверзева и его учеников, представляющих меньшевиствующий идеализм, не в противопоставлении их Плеханову, а в сопоставлении, конечно, не забывая и разницы между ними.

ДЕБОРИНСКАЯ СХОЛАСТИКА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Я уже показал выше, насколько схоластичной является работа Беспалова «Стиль как и закономерность его» уже по одному тому, что стиль в ней рассматривается автором вне его исторической динамики и социальной функции, как явление неподвижное, а не как противоречивый, исторически обусловленный процесс. Там, где у Беспалова имеются все же попытки рассматривать стиль в его движении и конкретно-классовой обусловленности, эти попытки не идут дальше прямого «механистического соотнесения стиля с состоянием производительных сил и производственных отношений. Однако, даже это механистическое соотнесение находит свое выражение в работах Беспалова, в формулах категорических и метафизических суждений деборинского типа. Вот характерный пример:

Логика характеров, — пишет в одном месте Беспалов, — есть в той или иной степени истинности выражение логики различных отношений личностей, в композиции (sic!! — *С. М.*) выражается отношение элементов, фактов объективного мира, познаваемых воспринимающим и воспроизводящим социальным субъектом, сюжет — основной принцип деятельности этого субъекта (sic!! — *С. М.)* — основной конфликт, данный в реальной жизни, синтаксис — стремление передать своеобразие отношений вне сознания данных объектов. [1]

---

[1] *И. Беспалов,* «Проблемы литературной науки», стр. 28.

Меньшевистский объективизм, стремление свести искусство к пассивному отражению уже прошедших событий, сочетается здесь с логизмом, обнаженным в своей метафизической сущности; композиция, по Беспалову, выражает «отношения элементов», синтаксис — «стремление передать своеобразие отношений» и т. д. и т. п.

Чем характеризуется в первую голову методология меньшевиствующего идеализма? В первую очередь именно подобным стремлением свести своеобразие и диалектику объективной действительности к системе логических формул, к сумме бессодержательных абстракций, долженствующих подчинить себе мир. Не диалектика общественного сознания рассматривается деборинцами как отражение диалектики материальных процессов действительности, а эти последние выводятся из логических формул. Сознание рассматривается ими не по-ленински, в качестве отражения объективных процессов материальной действительности, а только как самодвижение, диктующее свои законы ей самой. Если взять, например, такую работу А. Деборина, как «Введение в философию диалектического материализма», то она характерна именно тем, что рассматривает историю философии не как отражение истории классового общества в классовом сознании философов, а *как самодвижение* этого *сознания*, как логическое его развитие, *как логический переход одних категорий в другие*.

Эмпиризм, — пишет Деборин в самом конце главы о Юме, — призван был дать обоснование научного опыта, построенного на конкретном материале действительности, исходя из чувственных данных. Эмпиризм — в противоположность рационализму — должен был показать, что наши понятия являются результатом чувственного восприятия внешнего мира. *Но, исчерпав свое внутреннее положительное содержание, «эмпиризм»* в процессе своего развития *превращается в свою собственную противоположность*, он принимает форму субъективного идеализма и феноменализма. Этим самым «эмпиризм» как бы возвращает нас к рационализму. [1]

Итак, философские течения, по Деборину, *логически вытекают друг из друга:* каждая новая система возникает в результате отталкивания от предыдущей и, «исчерпав себя», в свою очередь, порождает противоположную, «сходную» с

---

[1] *А. Деборин*, «Введение в философию диалектического материализма», стр. 181. Курсив мой. *С. М.*

той, от которой она сама отталкивалась. Вся же книга Деборина в этом смысле подчинена другой, более общей теоретической установке: показать, что сознание развивается по линии движения от абстрактного к конкретному, — сначала рационализм, для которого «наличность понятия в мышлении означает, вместе с тем, и его бытие вне сознания», затем — эмпиризм, дающий «обоснование научного опыта, построенного на конкретном материале», но в силу своей ограниченности превращающийся в субъективный идеализм, затем — «трансцендентальный метод», эклектически сочетающий признание объективного мира с априоризмом, затем объективный идеализм с его абсолютной идеей и, наконец, диалектический материализм, дающий объективное познание реального мира во всей его конкретности. Ленинскому и марксову методу познания Деборин противопоставляет Гегелевский путь к конкретному от абстрактного, выводя, таким образом, материальную действительность из сознания, т. е. становясь полностью на позиции идеализма. Деборинские оговорки в предисловии о физической невозможности для него в настоящее время дать классовую историю философии в свете истории классового общества только подтверждают деборинский формализм, вскрывающийся в утверждении автором возможности подвести истматовский базис под анализ философских систем, добытый предварительно, как это имеет место у самого Деборина, чисто логическим путем абстрагированных от действительности рассуждений, не выходящих за круг абстрактных категорий.

Именно этим самым, деборинским, путем идет в своей работе о стиле и Беспалов, когда оперирует в своих рассуждениях не *конкретными понятиями,* добытыми в результате анализа конкретной действительности, а эту последнюю пытается подчинить абстрактным законам, некритически заимствованным у Гегеля. И хотя сам Беспалов пишет: «производя наш анализ, мы не подводим категории стиля под логическую схему, а выводим их из закономерностей материальной действительности», — нигде, однако, во всей его работе, кроме декларативных заявлений и общих утверждений, невозможно найти даже следов подобного выведения. Стиль беспаловского «стиля» — стиль оракульских вещаний, по-

просту бессодержательных в той общей и не мотивированной форме, в какой они даны.

То противоречие, — пишет, например, Беспалов, — которое существует в объективном движении между тем, что есть данная социальная действительность, и тем, что она будет, между ее действительностью и ее возможностью (возможностью действительности), проявляется так же, как противоречие содержания и формы, или как разобщенность отдельных элементов, их ложность, неадэкватность действительности, нехудожественности. [1]

Нет никакого сомнения, что под приведенной беспаловской формулой подпишется и любой из *идеалистических* последователей Гегеля, ибо в такой общей форме она никак не связана с материализмом и совсем не дает правильного решения о зависимости сознания от материи. Эта формула значительно легче уживается с гегелевской абсолютной идеей, нежели с диалектическим материализмом. Действительно, утверждение, что «прошлое не имеет глубоких корней в настоящем, выступает как пережиток и ложность». «Будущее, не утвердившееся еще в настоящем, существует как недостаточность и неполнота». [2] Это утверждение без остатка входит в баланс идеалистической диалектики и остается бессодержательным для материалистической, пока оно не будет наполнено конкретным содержанием реальной действительности.

Индивидуальное, изменчивое и конкретное стиля, — пишет Беспалов, — выступает только на основе своей соотнесенности к общему, единому и целостному. *Синтез этих моментов дан в самой социальной действительности*, в которой индивидуальное, изменчивое и конкретное, оторванное от своих обобщающих категорий, просто неуловимы. [3]

И здесь так же, как на примере с Дебориным, отчетливо намечен идеалистический гегелевский путь анализа от общего к конкретному, а не ленинский и марксов путь — от конкретного к абстрактному и обратно.

Немудрено после этого, что Беспалов в ряде мест прямо становится на путь противопоставления себя марксизму, как это он делает, например, отрывая генетический анализ произведений, с одной стороны, от их творческой истории, с другой стороны, от их социальных функций. Беспалов,

---

[1] *И. Беспалов*, «Проблемы литературной науки», стр. 15.
[2] Там же, стр. 16.
[3] Там же, стр. 17. Подчеркнуто мной. *С. М.*

сравнивая изучение литературного стиля с изучением «товара как ценности», пишет:

...та проблема, каким образом единое сознание создает, с одной стороны, образное произведение, а с другой — логическое, как воспринимаются образное и логическое произведения, проблемы чрезвычайно важные, но их решение *невозможно средствами литературоведения.*[1]

Отсюда следует, что проблема специфики своего предмета, так же как и проблема социальной функции литературных произведений, недоступна литературоведу, который, следуя рецептам Беспалова, будет заниматься изучением «общих закономерностей, не представляя что же именно *и для чего собственно* он изучает. Для Беспалова, однако, это и неважно, поскольку он считает по существу, что «индивидуальное, изменчивое и конкретное», так, как они существуют «в социальной практике, социальной функции», «попросту неуловимы», и свою роль ученого литературоведа сводит к рассмотрению «общих закономерностей» и прокламации их обязательности для «неуловимых» «конкретностей».

Было бы бесполезным и утомительным делом следовать в установлении связи Беспалова с методами деборинской школы по всем страницам его схоластической работы о стиле. Достаточно будет указать в заключение главы о нем, еще на один факт. Выступая с критикой реалистических и релятивистских представлений о литературе или как об абсолютной тождественности действительности, или как о той же «абсолютной самостоятельности», Беспалов исходит не из ленинских и энгельсовских постановок о критерии объективности, а из гегелевских, воспринятых совершенно некритически:

Если все *тождественно* с собою, то оно и *различно,* не *противоположно,* не имеет никакого основания, или если признано, что нет *двух одинаковых вещей,* т. е., что все одно от другого различно, то *А* не тождественно *А*, а также не противоположно и т. д.[2]

Некритическое отношение к Гегелю так же, как в других случаях к Плеханову, опять-таки характеризует близость Беспалова и его группы к деборинской школе, к философии меньшевиствующего идеализма. Гегелевские положения, воспринятые некритически, вопреки прямым указа-

---

[1] *И. Беспалов,* «Проблемы литературной науки».
[2] *Гегель,* «Наука логики», ч. I, кн. II, стр. 18. Цитировано Беспаловым в «Проблемах литературной науки» на стр. 30.

ниям Ленина на этот счет, превращаются в руках беспаловцев в догму, которая предписывает реальной практике свои законы, вместо того, чтобы быть проверенной на ней. Отрыв теории от практики, голое логизирование и рассудительство, превращение теории из руководства конкретной практикой пролетариата в схоластическую догму, противостоящую ей, вот основные черты литературоведческой деятельности Беспалова и его друзей. С Гегелем, Дебориным и Переверзевым против Маркса, Энгельса и Ленина, которых беспаловцы цитируют иногда «для приличия», но которых они не понимают и не принимают, — такова теоретическая практика меньшевиствующих идеалистов в литературоведении, таков их путь.

УСЛУЖЛИВЫЙ... ЗОНИН ОПАСНЕЕ ЩУКИНА

После разбора беспаловских писаний не придется особенно долго останавливаться на Зонине. Я уже показал выше, в главе «Ученик вывертывается», установки, связывающие Зонина с Переверзевым и вырисовывающие первого в качестве механиста. Однако, Зонин, так же как и некоторые другие беспаловцы, не ограничился только механистической учебой у Переверзева, — он так же, как и Беспалов, явился проводником *деборинских философских установок* в литературоведении, совмещая меньшевиствующий механицизм с *меньшевиствующим идеализмом*. В этом смысле Зонин, как утверждаю я в заголовке этой главы, опаснее для беспаловской группы, как фактор ее разоблачающий, чем даже самый старый и самый неистовый ее враг — С. Щукин, который по линии апологетики Плеханова скорее приближается к беспаловцам, чем им противостоит.

А. Зонин известен тем, что по всем наиболее опасным для беспаловской группы пунктам он высказывается, доводя эти пункты до такого предела их саморазоблачения, что их вредность становится ясной даже для человека постороннего в литературе. Зонин буквально играет роль провокатора для беспаловской группы, подводя ее под огонь там, где она могла бы еще некоторое время маневрировать, скрывая свое подлинное лицо. Поистине можно сказать, читая «ученые» упражнения Зонина: что у Беспалова на уме, то у «добродушного» Зонина большею частью на языке.

Совершенно так же обстоит дело и с высказываниями,

обнаруживающими причастность беспаловской группы к деборинской школе меньшевиствующих идеалистов. Если в беспаловских работах логику меньшевиствующего идеализма надо разоблачать, вышелушивая ее из-под подзащитных масок марксистской терминологии, то в писаниях Зонина меньшевиствующий идеализм предстоит зачастую в своем неприкрытом «естественном» виде. Кстати сказать, работы А. Зонина интересны еще и тем, что они показывают внутреннюю связь меньшевиствующего идеализма и механистицизма, логику перехода переверзевских установок в деборинские, объединяемых принадлежностью и тех и других к идеологии II интернационала.

Возьмем, для примера, высказывания Зонина по коренному для переверзевцев пункту об образе. Основное различие образов, которое устанавливает Зонин, заключается, по его мнению, в делении их на «субъективные» и «объективные».

В субъектных образах, — пишет он, — отграничено только то классовое бытие, представителем которого является данный художник, притом оно отграничено в той особенной форме, которая соответствует сознанию определенной части класса. В остальной части системы лежат образы, находящиеся за порогом собственной практики данного класса.[1]

Оставим пока образы, «находящиеся за порогом», и остановимся на зонинской диференциации «субъективных».

В действительности, — пишет Зонин, — субъект не изолирован, он существует и изменяет свою природу, отталкиваясь от одних субъектов-объектов и стремясь возвыситься до других субъектов-объектов. Необходимость этого движения и делает его субъектом... (?!. — *С. М.)* Среду, в которой происходит становление этого («стержневого» по Зонину. — *С. М.)* образа, его необходимое движение, мы обязаны считать его необходимой средой, следовательно, можем именовать необходимыми образами». «В каждом из необходимых образов содержится не перешедший в качество стержневой образ. В каждом стержневом образе даны элементы необходимых образов. И *в этой диалектике дано узловое отношение меры творчества, логика его образов.*[2]

Если бы А. Зониным не было написано ничего, кроме приведенных строк, их одних было бы достаточно для обвинения его в идеализме. Диалектика общественного сознания является у Зонина не отражением диалектики объективной действительности, не отношением субъекта ко всей объективной действительности, на которую субъект воздей-

---

[1] *А. Зонин,* «Образы и действительность», стр. 208.
[2] *Там же,* стр. 207. Подчеркнуто мной. — *С. М.*

ствует и которая воздействует на него, — а «логическим» движением сознания *внутри самого себя*. В приведенных рассуждениях Зонина гегельянство действительно поворачивается своей худшей стороной.

Оставление за «порогом» при анализе диалектики общественного сознания *бытия других классов и всей материальной действительности*, как это делает Зонин, означает оставление диалектического материализма и переход за идеалистический порог. Не спасает Зонина и тот факт, что он ищет соответствия «самодвижению» классового сознания в его общественном бытии. Какое это «бытие», из которого выводятся другие классы и остается абстрактное «самопознание», метафизическое движение «стержневого» образа среди «необходимых»!

Называя свою статью, из которой я привел цитаты, «Некоторые вопросы материалистической диалектики и литературоведение», — Зонин делает вид, что он исходит в своей работе из критики Гегеля, проводимой с позиции диалектического материализма.

Гегелю, — пишет он, — приличествовало говорить об идее, материалисты же должны вскрыть классово-направленную идеологию, выраженную в образах, познание и отражение реального жизненного процесса. [1]

Не будем повторять сейчас доказательств того, что в приведенной фразе Зонин «поправляет» Гегеля с позиций вульгарного материализма, ибо отказ от идеи произведения и подмена ее «идеологией, выраженной в образах» означает для Зонина переверзевское сведение произведения к социальному портрету автора, к автогенному образу «социального характера», словом, подмену идеи произведения и идеологии автора «идеологией его художественных образов». В данном смысле мне важен уже не факт близости Зонина к Переверзеву, а его призыв к материалистической критике Гегеля, поскольку подобный факт может опровергнуть принадлежность Зонина к меньшевиствующему идеализму, одним из характерных признаков которого является как раз *некритическое* отношение к Гегелю. Однако, разбор зонинских писаний показывает, что если он иногда и «поправляет» Гегеля с позиций вульгарного материализма, то чаще всего ему свойственно самое некритическое отношение к Гегелю и механическое приложение гегелевских формул к литературе.

---

[1] *А. Зонин*, «Образы и действительность», стр. 198.

Гегель очень многое сделал уже потому, что обычному представлению о суждениях, видевшему только различия и противоречия, он противопоставил закономерность перехода одного в другое. *Диалектики-материалисты*, не являющиеся чистыми эмпириками, наивными реалистами, замкнутыми в кругу ощущений субъекта, и вне его ничего не видящими, *могут вполне следовать за Гегелем в его анализе форм суждения. Для этого достаточно простой подстановки действительности под понятия*, — раскрытия ложности имманентного процесса самодвижения мысли. [1]

Итак, диалектики-материалисты, по Зонину, «могут вполне следовать за Гегелем», а для этого «достаточно простой подстановки действительности *под понятия*». Все благие приписки Зонина о необходимости «раскрытия ложности имманентного процесса самодвижения мысли», рушатся в свете его рассуждений. Путь, который он предлагает, и есть как раз путь «имманентного самодвижения мысли», где «*действительность*» «подставляется» под понятия, как «инобытие» абсолютной идеи. Не ленинский путь *от конкретного* к абстрактному и обратно, а гегелевский путь к конкретному *от абстрактного* предлагается Зониным как путь диалектического материализма. Говорить после этого о критическом отношении Зонина к Гегелю по меньшей мере комично. Хуже всего, что Зонин так же, как это делают другие деборинцы, пытается и Марксу, и Энгельсу, и Ленину приписать свое некритическое отношение к Гегелю, свой метод «простой подстановки действительности под понятия», выработанные Гегелем (см., например, стр. 204 разбираемой книги Зонина). Переработку Гегеля Марксом, Энгельсом и Лениным с позиций диалектического материализма Зонин представляет себе как *механическое* применение формул Гегеля к действительности только «наоборот». Так Зонин пытается (также на стр. 204 своей книги) сделать вид, что, кроме этого «наоборот», нет никакой разницы между Гегелем и Лениным в решении ими вопроса о взаимоотношениях мышления и бытия.

В полном соответствии со своим представлением о характере использования Гегеля материалистами-диалектиками Зонин свою деборинскую переработку переверзевской теории образа выдает за «материалистическое применение гегелевской категории суждения», когда пишет:

В отношении понятия образ — суждение также проходило через все формы развития (sic!! — *С. М.*). Мы берем определение образа во

---

[1] *А. Зонин*, «Образы и действительность», стр. 203. Подчеркнуто мной. — *С. М.*

всестороннем опосредствовании не как форму, не как прием, не как содержание, не как абсолютно-объективный и независимый от особенностей идеологической предметной деятельности класса снимок с явления, а как специфическую определенность (?! — *С. М.*), как отторжение частного и единичного социальной действительности в единстве определенной формы и определенного содержания.[1]

Что может дать подобная тарабарщина, под которую, по методу Зонина, надо «просто подставлять» явления действительности, если его формула в таком метафизическом виде сама лишена «определенного содержания» и не опирается ни на какую конкретную действительность?

Попыткой схоластической подстановки действительности под категории гегелевских суждений и является, по существу, вся разбираемая работа Зонина о «материалистической» (кавычки, разумеется, мои. — *С. М.)* диалектике в литературоведении. Так переверзевское учение об «автогенных» или стержневых и т. д. образах Зонин, как мы видели выше, пытается подвести под категории гегелевских суждений.

В каждом из необходимых образов содержится, не перешедший в качество, стержневой образ. В каждом стержневом образе даны элементы необходимых образов. И в этой диалектике дано узловое отношение меры творчества, логика его образов.[2]

Переверзевская схоластика смыкается здесь с деборинской на почве вульгарного материализма, кантианского агностицизма и непереваренного гегельянства. У меня нет ни терпения, ни тем более необходимого для этого пренебрежения к своему читателю, чтобы продолжать дальнейший разбор зонинских писаний. Дюринг, которого с таким самопринуждением разбирал Энгельс, кажется увлекательнейшей поэмой рядом с «диалектиком» Зониным. Вероятно, не малое количество собственных моих грехов будет отпущено мне и за те несколько страниц, в течение которых я вынужден был проводить свое время, следуя за «оригинальными» мыслями беспаловского адъютанта.

Эту часть, отведенную группе Беспалова, я хотел бы заключить цитатой из «Немецкой идеологии» Маркса, цитатой, которая полностью характеризует и наших незадачливых «диалектиков» деборинского толка:

Они вообще занимаются лишь тем, что сочиняют новые фразы для истолкования окружающей действительности, — фразы, принимающие тем скорее характер смехотворного бахвальства, чем больше они воображают, будто возвышаются над этой действительностью...

---

[1] *А. Зонин,* «Образы и действительность», стр. 206.

[2] Там же, стр. 207.

Заканчивая анализ продукции «партийных друзей» Переверзева, необходимо указать, что, являясь в качестве штаба меньшевика Переверзева проводниками буржуазных влияний в нашем литературоведении, беспаловцы совмещали свои механистические установки с кантианским релятивизмом и меньшевиствующим идеализмом, представляя в соответствии со своей ролью организаторов и вождей «литфронта» право-левацкий блок в теории и литературной политике, блок, политически созвучный группе Сырцова-Ломинадзе. Не случайно, что именно в обстановке беспаловского руководства сложились и прямые политические участники этого блока и, в первую очередь, именно разобранный нами «материалист-диалектик» Зонин.

ПЕРВЫЕ ИТОГИ ДИСКУССИИ С ПЕРЕВЕРЗЕВЩИНОЙ И ЗАДАЧИ МАРКСИСТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.

Нет сомнения, что собственные ошибки, сделанные марксистами, критиковавшими концепцию Переверзева, должны быть исправлены и, в первую очередь, ими самими. Однако, только полные банкроты, какими являются «партийные друзья» Переверзева, способны прятать за эти ошибки нежелание подвергнуть самокритике собственные ревизионистские позиции, как раньше они прятали от критики самого Переверзева, прикрывая его необходимостью критиковать формализм и эклектизм (см. полемику Беспалова с Горбачевым в статье «Раздраженный эклектизм», напечатанной в 5-ой книги «Печати и революции» за 1929 год).

Марксистское литературоведение должно разобрать более обстоятельно, чем это делалось до сих пор, политические и философские корни формализма, этой откровенно буржуазной, идеалистической школы в литературе. Однако, наряду с этим, оно должно добиться окончательного разоружения «партийных агентов» Переверзева, и разоблачения переверзианской механистической основы, соединяемой с позициями меньшевиствующего идеализма.

Вместе с тем, как одна из серьезнейших задач, после разгрома Переверзева, встает перед марксистским литературоведением необходимость борьбы с эклектизмом и его конкретными носителями.

Разбитый в прямом бою с марксизмом формализм и раз-

личные эпигоны культурно-исторической школы под прикрытием своего будто бы приближения к марксизму, пытаются проникнуть в марксизм в деревянном коне социологической терминологии. Успехи социалистического наступления, обостряя классовые противоречия и делая вместе с тем затруднительным прямое наступление классового врага в любой области, заставляют его скрывать свою политическую активизацию в форме внешней капитуляции перед марксизмом. Агенты буржуазной теории, в лице приспособленцев от формализма и др. буржуазных школ, не всегда получают должный отпор со стороны марксистов. Данайская их тактика иногда имеет успех, и буржуазный яд, пропитывающий их теоретические «дары», иногда действует на неосторожных марксистов, заражая их оппортунизмом и питая всяческие отходы от марксистско-ленинской теории.

Основным путем такого перерождения отдельных наших звеньев является отрыв теоретической работы от революционной практики пролетариата. Марксистско-ленинская теория, в отличие от ревизионистских теорий меньшевизма, видит в теории *не догму* и на пассивное средство *«познания»* действительности, а такое ее познание, которое может явиться руководством для дальнейшего *изменения* этой действительности в интересах классовой политики пролетариата.

«Критерий практики», на основе диалектико-материалистического его понимания, есть основной критерий ленинской проверки действенности теории в отличие от буржуазного прагматизма и от нео-кантианского релятивизма.

Отрыв теории от практики, уход в область метафизических категорий, абстрагированных от живой действительности, — таков путь, на который пытались повернуть марксистско-ленинскую теорию такие меньшевиствующие идеалисты и механисты, какими явились в наших рядах бывшие и настоящие меньшевики Деборин, Рубин, Переверзев и др., в области философской, экономической и литературной теоретической работы важнейших марксистско-ленинских учреждений.

Этот урок должен научить нас на будущее время большей классовой бдительности и непримиримости. Не только открытый формализм, но и всякое примиренчество к нему, приводящее к попыткам сочетать его эклектически с марксизмом должны быть немедленно атакованы и разоблачены.

Преодолеть свое отставание от революционной практики пролетариата марксистское литературоведение сможет толь-

ко тогда, когда его работа будет вооружать теорией социалистическую практику.

Ведя борьбу с буржуазной идеологией и результатами ее влияния в области теоретической, разрабатывая ряд теоретических проблем, в связи с нуждами пролетарского литературного движения, и ускорением процесса перехода попутчиков на рельсы пролетарской идеологии, изучая исторический опыт для извлечения уроков настоящему, — марксистское литературоведение должно помогать правильному проведению партийной линии по отношению к самой художественной практике в меняющейся постоянно расстановке сил на фронте художественной литературы.

Сюда входит борьба с прямыми и замаскированными явлениями буржуазной и кулацкой идеологии (Замятин, Пильняк, Грабарь, Клычков и др.), а также с различными формами влияния буржуазной идеологии на некоторых попутчиков и даже отдельных пролетарских писателей.

Борясь за скорейшее овладение пролетарскими писателями диалектико-материалистическим методом в области творческой, марксистское литературоведение должно поставить критическое изучение уже имеющегося творческого опыта ведущих пролетарских художников.

Изучение творчества начинающих рабочих писателей, показ героев труда и обслуживание нужд призыва ударников в литературу должны стать повседневной задачей марксистской критики в свете борьбы за создание Магнитостроев пролетарской литературы.

Особое внимание должно быть обращено также и на участок творчества колхозно-пролетарских писателей, призванных оказать серьезнейшую помощь в борьбе пролетариата за социалистическую перестройку деревни на основе сплошной коллективизации.

Скорейшее выполнение всех перечисленных здесь задач марксистской критикой и литературоведением возможно лишь на основе овладения ленинским этапом литературоведения, лишь в борьбе за «кровные интересы большевизма», против «гнилого либерализма», ко всяким попыткам протащить буржуазный «хлам» (Сталин). В этом смысле на очереди стоит критика Г. Плеханова, меньшевизм которого несомненно сказался и в его теории познания и в его работах по искусствознанию.

Решения XVII партийной конференции, обусловливающие успешное выполнение первой пятилетки в этом году, прове-

дение сплошной коллективизации в основном и ликвидации на ее основе кулачества как класса, директивы, данные XVII партконференцией по составлению второй пятилетки, пятилетки построения бесклассового социалистического общества в СССР, — все это в колоссальной степени обуславливает дальнейший размах культурной революции и в небывалой степени увеличивает роль художественной литературы в деле социалистического воспитания трудящихся слоев города и деревни. Борьба за уничтожение разницы между городом и деревней в колоссальной степени ускоряет процесс перевода колхозно-пролетарских писателей на рельсы пролетарской идеологии и в свою очередь небывало увеличит роль этих писателей в деле социалистической переделки психологии колхозного крестьянства. Успехи социалистического строительства, уже обеспечившие решительный поворот в сторону пролетариата основных слоев мелкобуржуазной интеллигенции, должны будут во 2-й пятилетке еще более усилить этот процесс перестройки и ускорить его темпы. Тем большие задачи ложатся на пролетарскую литературу и марксистско-ленинскую критику в деле активной помощи по решительному переходу писателей попутчиков на рельсы союзничества и по дальнейшему приближению их к идеологии пролетариата. Рост социалистической промышленности, строительства новых заводов, фабрик, электростанций и т. д., рост рабочего класса в СССР, невиданный подъем социалистического энтузиазма, соцсоревнования и ударничества, борьба за преодоление противоположности между физическим и умственным трудом и т. д. — все это создает мощную базу для дальнейших успехов культурной революции, размаха пролетарской культуры и литературы, громадного усиления их роли в деле социалистической переделки широчайших масс и борьбы за построение социализма.

Однако, конференция подчеркнула, что это построение социалистического бесклассового общества будет происходить в обстановке дальнейшего обострения классовой борьбы, дальнейшего сопротивления уничтожаемых капиталистических элементов.

Все это возлагает на марксистско-ленинскую теорию громадные задачи: на основе дальнейшего овладения ленинским наследством развернуть борьбу за успешное выполнение положительных задач, поставленных XVII партконференцией перед всеми отрядами рабочего класса на фронте культурной революции, ведя непримиримую борьбу со всяческими про-

явлениями буржуазной идеологии и ее влияния в наших собственных рядах.

Борьба на два фронта на основе ленинской партийности в вопросах теории — такова и дальнейшая установка марксистско-ленинской теории во всех областях, литературоведческой в том числе.

СОДЕРЖАНИЕ

Отв. редактор Н. Еселев. Техн. редактор Н. Родченко.

ОГИЗ ГИХЛ № 2249/Л. Индекс Х-5. Сдано в набор 10/III 32 г. Подписано в печать 13/V 32 г. Тираж 3140. Формат бумаги 82 × 111. Колич. бумажных листов 1³/₄. Колич. печатных знаков на бумажном листе 142272. Заказ № 346. Ленгорлит № 36539. Выход в свет май 1932 г.

7-я тип. Огиза РСФСР им. Бухарина, Ленинград, ул. Моисеенко, 10.

ЕРМИЛОВ, В.

ПРОТИВ МЕНЬШЕВИЗМА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Стр. 114, тир. 10.000, ц. 50 к.

Две статьи критика-налитпостовца.

„Методология меньшевиков-вредителей и Переверзева“ (стенограмма выступления автора на заседании РАПП ЛИЯ Комакадемии) ставит вопрос о методологическом единстве теорий Громана, Базарова и проф. Переверзева.

В статье „Против неоменьшевизма в пролетарском литературном движении“ автор в резкой политической форме критикует продукциию „идеологической фирмы Тоом-Бек“, занявший промежуточную позицию в борьбе РАПП против „Литфронта“.

Ц. 1 р. 50 к.

7л

2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ